

НАТАЛЬЯ
ОРБЕНИНА

— интриги, тайны и любовь —

СУПРУГ
ДЛЯ БОГИНИ

Наталия Орбенина
Супруг для богини

«ЭКСМО»

2011

Орбенина Н.

Супруг для богини / Н. Орбенина — «Эксмо», 2011

Знаменитый писатель Вениамин Извеков найден мертвым в собственном доме. Похоже, он умер от разрыва сердца, увидев призрак покойной жены – знаменитой актрисы, красавицы Тамары Горской. Следователь Константин Сердюков, расследуя обстоятельства загадочной смерти, начинает бывать в доме Извекова ежедневно, изучая авторские рукописи и дотошно всех расспрашивая. Особенно сыщика заинтересовало привидение, якобы ставшее причиной трагедии. И дочь Вениамина, и господский дворник утверждают, будто видели женскую фигуру, в очертаниях которой узнали Тamarу... Прекрасную, безмолвную, с горящим взглядом, устремленным прямо в сердце...

© Орбенина Н., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	28
Глава 9	33
Глава 10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталья Орбенина

Супруг для богини

*«Любовь прошла, увяли розы,
и нам остались только грезы».*

*Сентиментальная надпись
на открытке начала XX века*

Часть первая

Глава 1

В книжных магазинах столицы происходило настоящее столпотворение. Еще бы! Поступил в продажу новый роман Извекова «Увядание розы». Поклонники популярного романиста, а к ним себя относил значительная часть читающей публики, штурмом брали прилавки. Приказчики сбились с ног, кое-где владельцы магазинов были вынуждены прибегнуть к помощи полиции для разнимания разбушевавшихся покупателей.

– Господа! Помилуйте, господа! Вы же не хлеба насущного лишаетесь! Опомнитесь, милостивые государи! Через недельку-другую будет напечатан дополнительный тираж, и тут уж всем достанется!

Но все увещевания хозяина магазина были тщетны. Читатели жаждали получить вожденный роман тотчас же, чтобы уже сегодня вечером вкусить его прелестей, погрузиться в изящный слог, перипетии хитроумного сюжета, страстные переживания героев. Словом, во все то, чем славился модный писатель Вениамин Извеков.

Роман ждали с нетерпением. Оно подогревалось разговорами о том, что, мол, Извеков исписался, иссяк, он уже не тот. Действительно, несколько последних опусов оказались столь бледными и невыразительными, словно были написаны другой рукой. И вот снова чудо, событие, невероятный триумф. Злопыхатели из толпы критиков посрамлены, враги и завистники отброшены на обочину литературной жизни. Извеков снова на вершине Олимпа, где он царствовал уже более пятнадцати лет.

А тем временем герой дня, великий триумфатор, ехал в роскошном ландо по Каменно-островскому проспекту. Это был господин средних лет, невысокого роста, со светло-русыми волосами, которые спадали на лоб легкомысленной челкой. Голубые глаза с поволокой, тонкий выразительный изгиб чуть припухлых губ, изящный прямой нос – одним словом, именно такую романтическую внешность рисовали в своем воображении его многочисленные поклонницы. Если к этому добавить нарочитую небрежность роскошного костюма, пошитого по английской моде, мягкие выверенные движения, то можно без труда утверждать, что писатель Извеков являл собой яркое пятно в пестрой палитре столичной богемы.

Но в этот момент на нем не было маски преуспевающего литератора и сердцееда, с которой он обычно появлялся на публике. Рядом с ним в ландо сидела его взрослая дочь от первого брака Вера с напряженным и злым лицом.

– Я не понимаю, почему именно теперь вам захотелось ехать за город! Столько людей желают выразить вам свой восторг и почитание, а вы стремитесь спрятаться, как крыса в нору! Ну что, что мы опять будем делать вдвоем в эдакой скучотище! – Вера почти кричала, в ее глазах стояли слезы.

Она несколько раз непроизвольно обернулась назад, но их дом уже скрылся за поворотом. Утром она надеялась, что шум, вызванный выходом книги, заставит отца переменить решение съехать на дачу. Ведь еще не сезон, вокруг не будет ни души. Там и в разгар лета-то не очень много соседей, а сейчас и вовсе нет никого! Однако Вениамин Александрович остался непоколебим в своем решении. В дорогу они отправились после изрядной ссоры, искры которой все еще тлели.

– Ты не понимаешь, это часть моего образа! Я должен сохранять загадочность и непредсказуемость в глазах своих поклонников! Видишь, как замечательно все вышло с последним романом. Уже никто не ждал ничего выдающегося от Извекова, а он возьми да и выдай им по первое число! – Отец откинулся на спинку сиденья и самодовольно засмеялся. – А ведь и ты, моя драгоценная дочь, уже не верила в мой талант?

Вера смутилась и отвела взгляд в сторону. Отец был прав. Последние несколько лет и она уже перестала ждать от него чего-то великого.

– И ты готова была примкнуть к стае моих хулителей! – Извеков повысил голос и воздел руки к небесам, как и подобает драматическому герою. – Но я прощаю тебя, потому что знаю: ты любишь меня не за мой гений, а за то, что я твой отец! И я люблю тебя по закону крови! Ты моя единственная оставшаяся опора в жизни, и мы пойдем с тобой рука об руку, не расставаясь, до гроба!

Вера промолчала. Извеков отметил про себя ее недовольно поджатые губы и взгляд, ушедший в глубину души.

– Ты все дуешься на меня? Напрасно! Тебе выпала особая судьба, и ты должна это понимать и принимать безропотно!

Вера снова промолчала, хотя отец ожидал реакции на свои слова. И вдруг она произнесла с неожиданным сочувствием в голосе.

– Вот! Я поняла, зачем мы едем! Вы надеетесь, что Ольга к вам вернется? Именно теперь, когда вы снова в зените славы?

Извеков помрачнел. Наверное, так оно и было, только он сам себе в этом не признавался. Жена Ольга Николаевна покинула его год назад. Вениамин Александрович и помыслить не мог, что она не вернется к нему, великому и прекрасному, подарившему ей свое чувство и сделавшему ее спутницей жизни. Сейчас самое время ей вернуться и на коленях просить прощения, но сделать это в роскошном петербургском доме, полном прислуги и постоянных посетителей, совершенно невозможно. Для трогательной сцены семейного примирения нужны камерные подмости. Это, конечно, их загородный дом в окрестностях Ораниенбаума. Оля тонкая натура, она если и вернется, то именно туда. Там никто не увидит ее слез. Он будет суров, как и подобает оскорбленному мужу, но великодушен. А затем они предадутся безумной любви. Как он скучает по ее молодому телу! За годы супружества он не остыл к ее прелестям. Хотя в последнее время... Да, оно было неприятным, это время!

Извеков выбросил из головы горькие воспоминания и снова обернулся к дочери.

– Ты что-то сказала, дитя мое? – Он погладил ее по голове.

– Я сказала, что ваши мечтания напрасны. Ольга не возвратится!

Вениамин Александрович отдернул руку, как укушенный.

– Почему ты так уверенно это говоришь? Разве ты знаешь более моего?

– Я знаю, что она живет с Трофимовым, и вы это прекрасно знаете, но притворяетесь, будто и понятия не имеете!

– Противная! Как можешь ты говорить со мной в таком тоне! Что ты знаешь о чувствах! Ведь ты еще глупое дитя! Я знаю, для чего ты мне все это говоришь! Чтобы позлить меня в отместку за то, что я заставил тебя покинуть Петербург и ехать со мной!

Они отодвинулись друг от друга и надулись. В тяжелом молчании прибыли на Балтийский вокзал, сели в поезд и тронулись в путь. Вера оставалась безучастной к подробностям

поездки даже тогда, когда отца узнал кто-то из пассажиров. Начался гвалт, сумятица, вскрики, автографы. Девушка забилась в угол купе и стойчески переносила неудобства папашиной популярности.

Наконец поток визитеров иссяк. Наступила тишина.

– Вот видишь, как меня любит и ценит публика! – отдуваясь, произнес Извеков. – А ты в радостные для твоего отца дни только огорчаешь меня.

Вера вздохнула и обняла Вениамина Александровича за шею.

– Слава богу, примирились! – Извеков облобызал дочь в высокий лоб, и путешествие продолжилось.

Уже в сумерках они прибыли к дому. Усадьба известного романиста соответствовала духу хозяина. Деревянное строение напоминало собой некое подобие готического замка, правда, в уменьшенном виде, но все необходимые атрибуты таинственности и романтизма были соблюдены. Узкие башенки, вытянутые вертикально окна с орнаментом, витиеватые перила лестницы, высокая острая крыша с флюгером, замысловатое крыльцо. Не хватало только рва с подъемным мостом (на это не хватило денег) и собственного домашнего привидения.

– Посмотри! Посмотри, Вера! Там кто-то есть! Это Ольга, она вернулась! Я был прав! – Извеков даже захлопал в ладоши от радостного возбуждения, указывая на освещенные окна дачи.

Вера была неприятно удивлена. Стало быть, она совсем не знает мачеху, коли так ошиблась. Неужели и впрямь та вернулась?

Глава 2

Отец и дочь поспешили в дом. В небольшой гостиной, со вкусом обставленной светло-коричневой мебелью с кремовой обивкой, на диване расположилась с книгой на коленях молодая белокурая дама. Маленькая изящная шляпка с плюмажем покоилась на столе. На даме был горчичного цвета жакет, ладно сидящий на ее стройной фигуре. При виде Извековых она легко поднялась, раскрытая книга упала на пол.

– Оля? – строго произнес Вениамин Александрович. На его лице не осталось и тени радостного возбуждения. Он вошел в роль оскорбленного и сурового мужа.

– Здравствуй, Вениамин Александрович, – произнесла Ольга, но не подошла к нему, а двинулась к падчерице. – Здравствуй, милая Вера!

– Здравствуйте! – Девушка холодно поцеловалась с мачехой и подняла упавшую книгу. – Однако папеньку читаете! – произнесла она с торжеством.

– Что ж тут удивительного! Весь город только и говорит, что о новой книге, так сказать, господина Извекова.

Вениамин вздрогнул. Ему не понравилась последняя фраза жены. Или ему это показалось?..

– Вот именно, что весь город! – пылко продолжала Вера. – И вы пожелали присоединиться к папиному торжеству?

– Пожалуй, – уклончиво произнесла Ольга Николаевна и внимательно посмотрела в лицо супруга.

– Что ж, – Извеков прошелся по комнате, помолчал, разглядывая жену, – вероятно, нам нужно обстоятельно поговорить, и сделать это надо, не откладывая ни на минуту. Ведь ты хочешь поговорить, Оля, не так ли?

Ольга Николаевна кивнула. Вениамин Александрович вздохнул. Она прелестна, на нее нельзя долго сердиться, но он должен выполнить свой тяжелый долг и указать на порочность ее поведения, заставить Олю осознать глубину ее нравственного падения. Да, именно так надо поступить. Супруг мысленно выстраивал в голове обличительную речь. Уж он-то знал цену слова!

– Вера, дочка, пойди к себе да похлопочи насчет легкого ужина, а мы с твоей мачехой потолкуем в кабинете.

Муж и жена удалились, а Вера осталась одна в расстроенных чувствах. Конечно, папа уговорит Ольгу возвратиться. И опять она воцарится в семье. Вера не могла решить для себя, хорошо это в нынешних обстоятельствах или нет. Кроме того, очень хотелось послушать их разговор. Как мачеха станет каяться, какими словами ее будет бранить отец? Девушка поколебалась немного и бесшумными шагами подошла к двери отцовского кабинета. Однако, как она ни старалась, до ее слуха долетали только обрывки разговора, да такие странные, что и вовсе ничего невозможно было понять. В основном она слышала только реплики отца, когда он переходил на крик, Ольгина тихая речь оказалась недоступной для посторонних ушей.

– Это немыслимо, ты лжешь! – раздался громкий возглас Извекова. – Мистификация! Ты не посмеешь, нет, это немыслимо!

Потом разговор перешел на приглушенные тона. Вера улавливала только отрывки фраз.

– Хорошо, будь по-твоему. Мне надо все обдумать...

Поняв, что выяснение отношений заканчивается, Вера поспешила прочь. Она пошла на кухню, недоумевая, о каком семейном ужине можно говорить после подобной беседы. Назавтра придет прислуга, и жизнь войдет в привычное комфортное русло, а пока придется обойтись скромным угощением. Вера неохотно кружила по кухне и чутко прислушивалась к звукам дома. Скрипнула дверь, вошла Ольга.

– Ты сама справишься?

На щеках молодой женщины играл возбужденный румянец, в глазах плескалось торжество. Вера не знала, что спросить, как говорить с ней. Ольга Николаевна прервала ее мучительные колебания.

– Все кончено, Вера! Ты можешь торжествовать! Мы разводимся! – выдохнула мачеха.

– Но папа говорил, что никогда не даст вам развода! – вскричала падчерица. – Он не допустит, чтобы его известность пострадала от скандала!

– И тем не менее Вениамин согласился, у него нет выбора, – уверенно произнесла Ольга. – А что до скандала, то он только пойдет на пользу его популярности!

Вера тяжело опустилась на стул.

– Ты сейчас уедешь или... или останешься? – нерешительно произнесла девушка, снова перейдя с мачехой на «ты», как это было меж ними всегда.

– Уже поздно, на ночь глядя я не поеду. Завтра как можно раньше уеду, не буду дожидаться его подъема и всего, что за этим должно последовать.

Они печально посмотрели друг на друга. Ольга подошла к падчерице и нерешительно обняла ее. Та не отстранилась, более того, предательские слезы полились сами собой, против ее воли.

– Я бы тоже хотела поплакать, Вера, о своей погубленной молодости, растоптанной любви и растаявшем счастье. Но я не хочу чернить Вениамина в твоих глазах, впрочем, ты уже взрослая и многое видела сама.

– Ты больше совсем-совсем его не любишь? – тихо простонала девушка.

– Прошу тебя, не будем говорить сейчас об этом! Видит Бог, как мне тяжело! Я пойду лягу, но ты к нему не поднимайся, не надо. Я думаю, что ужина ему уже не хочется, поверь!

С этими словами Ольга Николаевна удалилась в свою спальню. Вера перестала хлопотать на кухне и снова подошла к кабинету отца, хотела постучать, но передумала. Из-за двери доносилось невнятное бормотание, ненавистное позвякивание стекла. Девушка замерла в раздумье, а потом пошла по коридору в темноту пустого дома.

Глава 3

Вениамин Александрович после разговора с женой пребывал в ужасном состоянии. Гром небесный, гибель, мучительное балансирование на краешке бывшего великолепия! Крах всех надежд и честолюбивых мечтаний! Как он был неразумен и неосторожен! И теперь придется плясать под чужую дудку, и кому! Ему, Извекову, повелителю сердец своих воздыхателей!

Под тяжестью невыносимых дум голова упала на письменный стол, руки бессильно повисли. Упираясь щекой в гладкую темную поверхность палисандрового дерева, он с тоской взирал на горы рукописей, в беспорядке громоздившиеся вокруг. Вот она, погибель! Вениамин Александрович застонал и тяжело поднялся. В воздухе еще плавало облачко Олиных духов, нежных, как ее бархатная кожа. Извекова передернуло. Предательница! Все его предали, все его оставили! Ушла, улетела на небеса первая жена Тамара, затем один из сыновей.

В последнее время он вспоминал о Тамаре все чаще. Как они были счастливы тогда! Весь Петербург лежал у их ног. Еще бы! Ведь это была не просто божественная женщина, а сама красота, знаменитая Тамара Горская, актриса театра и синематографа. Публика рыдала и неистовствовала, видя ее на сцене и на экране. Извеков и Горская – самая изысканная, талантливая и прекрасная супружеская пара столицы!

Потом раздумья о покойной жене приняли иной оборот. Извеков еще пуще налился раздражением и злобой. Ну что тут поделаешь, остается одно спасение. С некоторым сомнением он двинулся к небольшому шкапчику резного дерева, украшенному медными вставками. Стеклённые дверцы шкафа всегда были предусмотрительно задернуты изнутри шелковыми шторками. Потянул за ручку, с легким скрипом дверца отворилась. В далеком уголке притаился небольшой хрустальный графин со спасительной влагой. Он же не будет поглощать ее всю! Так, чуть-чуть, самую малость, залить пожар души! Быстро схватил графин, налил, удерживая дрожь возбуждения в руках, и опрокинул в рот одним глотком. Пошло! Тепло и легкость стремительно растеклись по всем членам, а в голове наступила ясность, принося вожаемое успокоение. Ничего, мы еще поборемся! Хотели Извекова завалить? Не выйдет, кукиш!

Он рассмеялся и уже уверенно плеснул себе еще, потом еще, а там и не заметил, как показалось прозрачное дно сосуда. Волшебное зелье иссякло, а с ним и эфемерная радость освобождения от грызущей тревоги.

Извеков хотел прилечь на турецкий диван, но возбуждение не давало ему сомкнуть глаз. Нет, одному решительно невозможно оставаться. Надобно пойти, но к кому, к жене или к дочери? Очень хотелось пойти к Ольге, грубо, по-хозяйски откинуть шелковое одеяло, овладеть ею, сонной и недовольной. Но даже опьяненным умом он понимал, что теперь это уже невозможно. Тогда, может, пойти к Вере и искать у нее утешения и жалости. Она рассердится, опять кричать станет, ругать его. Ничего не решив, он двинулся в коридор и пошел по пустому и гулкому дому, как медведь-шатун, которому не спится в своей берлоге. Извеков добрал до кухни, но не обнаружил там никакого ужина. Это досадное обстоятельство усугубило его мрачную меланхолию. И тут ему почудились звуки. Может, кто-то из женщин встал? Он поспешил наверх, на второй этаж, где располагались спальни. Однако все комнаты были закрыты. Он постоял в нерешительности, повернулся, собираясь идти к себе, как вдруг увидел слабый свет, лившийся из угловой крайней комнаты, которая раньше принадлежала покойной Тамаре. Вениамину стало не по себе. Померещилось или и впрямь там кто-то есть? Надо бы дворника разбудить. Но что это за силуэт? Господи, сохрани и помилуй! Тамара! Тамара! Боже милостивый! Допился, допил, проклятье, до горячки, до чертиков, в прямом смысле слова!

У Извекова подкосились ноги, он не мог пошевелиться. По коридору навстречу ему плавно двигалась его умершая жена. Высокая прическа из черных волос, любимое темно-зеленое платье облегает стройную фигуру, мертвенным блеском мерцают бриллианты на шее, на

голове знаменитая шляпа, в которой она запечатлена на многих фотографиях. Вся фигура укутана газовым шарфом, через который горят глаза, устремленные ему прямо в сердце.

– Тамарочка! Я знал, что ты придешь именно сегодня! Конечно, это и твой день! Прости меня, я... – Вениамин судорожно сглотнул.

Призрак остановился словно в раздумье, а затем бесшумно протянул руку к возлюбленному супругу.

– Ты за мной пришла? – в ужасе пролепетал писатель. – Смилуйся, пощади! Прости меня! Ради бога, иди прочь! Оставь меня! Господи, кто-нибудь! На помощь! Прочь, прочь! Пощади! – Хмель вылетел из головы. Трясущейся рукой он осенил себя крестным знамением и начал бормотать первую пришедшую на ум молитву. Но это не испугало привидение. Оно снова двинулось по направлению к Извекову, и ему почудился тихий смех. От этого звука волосы встали дыбом, он закричал дурным голосом и бросился бежать на подгибающихся ногах. Внизу что-то загрохотало и затопало. Бесы! Сколько их тут, легион?!

– А-а-а! – кричал Вениамин, но ему казалось, что он не слышит своего голоса, что звук клокочет где-то в горле и не вырывается наружу. Так бывает в кошмарных снах, но это был кошмар наяву.

И тут он услышал знакомый голос, спасительно знакомый, но не успел обернуться, как дикая боль в груди ударила его будто кинжалом. Вениамин охнул и упал лицом в пол.

Читающая петербургская публика наслаждалась последним романом известного литератора и не подозревала, что это и впрямь последний его роман, ибо больше он уже не напишет ничего и никогда.

Глава 4

Полицейский следователь Константин Митрофанович Сердюков пребывал на даче Извековых уже почти целый день. Высокий, нескладный, тощий, затянутый в форменный сюртук, он напоминал гигантскую цаплю. Сходство усугублялось наличием длинного носа, уныло направленного в пол. Он мерил дом покойного романиста огромными шагами и сверлил все углы внимательным взглядом серых водянистых глаз. Уже были сняты первые допросы. Услышанное повергло Сердюкова в глубокие раздумья. Он вообще много думал. За это его ценило начальство, и потому именно ему было поручено расследовать странные обстоятельства смерти популярного литератора.

Беседа с молодой вдовой оставила неприятный осадок. Миловидная блондинка с выразительными голубыми глазами была напугана смертью знаменитого супруга, но особенного горя не испытывала, да и не скрывала этого.

– Почему вас удивляет моя реакция, господин следователь? – Она пожала плечами. – Конечно, смерть мужа – ужасное событие, но в последнее время мы жили врозь, вам многие это подтвердят. Прежние чувства умерли, нас ничего не связывает более.

– Тогда что же вы делали в его доме?

– Я приехала переговорить о разводе. Я хотела развода! – Ольге Николаевне неприятно было посвящать постороннего человека в семейную драму.

– И как господин Извеков отнесся к перспективе публичного скандала, не думаю, что его это устраивало? Ведь в своих книгах он выступает эдаким моралистом, поборником добродетели!

– Вот уж не думала, что у доблестной полиции есть время читать романы, – удивилась новоиспеченная вдова.

– Вы плохо думаете о нас, полицейских! Мол, тупые и ограниченные людишки, бегают с револьверами да воров ищут! Нет, сударыня, смею заметить, что и среди нашего брата есть люди, не чуждые прекрасного!

Сердюков слукавил. Конечно же, он и в руки не брал сочинений господина Извекова, но был наслышан, так как вокруг только о нем и говорили. Неделию назад он обнаружил замусоленную книжку на столе у кухарки, аккуратно между разделанной курицей и пучком сельдерея. «Помилуй, Степанида, так ты мне вместо бульону десяток страниц сваришь к обеду!» – забеспокоился Сердюков. Кухарка сердито сунула любимое чтение на полку над головой и обиженно засопела: «Что ж с того, книжка хорошая, душевная! Для женского полу очень даже приятная! А вы вот только и делаете, что газетки просматриваете, не убили ли кого да не ограбили ли!»

Тут кухарка была совершенно права. Сердюков по долгу службы читал «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и городской полиции». Даже в такой газете появлялись сведения о романах Извекова, собственно, в одной из статей следователь и почерпнул свои оценки.

– Итак, вы желали развода, и муж?.. – Следователь сделал паузу.

Извекова промолвила:

– И муж согласился.

– Вот так просто согласился? – удивился Сердюков, зная по опыту, какие дикие истории происходят в подобных случаях.

– Вероятно, вам покажется странным, но это так! – с нажимом произнесла Ольга Николаевна.

– Хорошо, оставим пока эту тему. Расскажите, что случилось ночью? – От следователя не укрылось, что Извекова с видимым облегчением перешла к другим обстоятельствам произошедшего.

– После разговора с Вениамином Александровичем я ушла к себе и заснула быстро, так как была изнурена тягостной беседой. Мой сон был глубок, поэтому я не сразу проснулась от крика в коридоре. Словно продолжался жуткий сон. Но потом крик повторился, добавился непонятный шум, и я вскочила. Это был крик мужа, и такой жуткий, что меня оторопь взяла. Он просил о помощи, умоляя кого-то пощадить его. В одной рубашке и босиком я выбежала в коридор и сразу увидела Вениамина, лежащего лицом вниз. Я бросилась к нему, с трудом перевернула и поняла, что он мертв. К кому муж обращался, непонятно, потому что в коридоре и на лестнице никого не было. В этот миг снизу примчался наш дворник Герасим, который тоже слышал крики. Он был бледен и крестился. «Что, что произошло, Герасим? Ты видел убийцу?» – вскричала я, но он только тряс головой. Тогда я кинулась в комнату падчерицы. «Вера! Вера! Открой скорее!» Но дверь не отворялась. Я была в панике, что с девочкой, жива ли она? Уже и дворник подрос, мы хотели дверь высадить, и тут она открывает, бледная как смерть. «Вера, отец умер!» – только и успела я сказать, как она упала в обморок. Потом Герасим поспешил за полицией, и вот вы здесь.

– Стало быть, вы сразу решили, что супруг ваш умер не естественной смертью, а именно был убит?

– Я подумала так, потому что слышала его крики о помощи, и потом, в его голосе было столько неподдельного ужаса! – Вдова передернула плечами от неприятных воспоминаний.

– А не припоминаете ли вы еще каких-либо мелких деталей, которые, возможно, бросились вам в глаза, но, так сказать, не были сразу осмыслены?

Извекова подумала и нерешительно покачала головой:

– Не знаю, нет, я так напугана, что не могу прийти в себя, быть может, потом, позже.

После разговора со вдовой следователь двинулся к девице Извековой. Вера еще не пришла в себя от потрясения, но, помимо горя, на лице ее читались и другие мысли. Она полулежала на низкой кушетке, прикрытая пушистым пледом. Рядом хлопотала полная добродушная горничная, прибывшая рано поутру. Сердюков уже допросил ее, да без толку.

– Не могу ничего знать, сударь! Ведь не было меня ночью, приехала – и попала как кур в ошип!

Зато разговор с Верой дал ему новую пищу для размышлений.

– Вы знали, что Ольга Николаевна приехала просить у мужа развода? – спросил Сердюков, пристраивая свое длинное тело на хлипком гнущем стульчике рядом с девушкой.

«И какого черта делают такую мебель, на которой нормальному человеку и не усидеть?»

Вера слабо кивнула.

– Вы слышали разговор мачехи и отца?

– Нет, я была на кухне.

– Вы знали, чем закончилась их беседа?

– Да, Ольга сказала мне, но я сразу поняла, что она лжет.

– То есть?

– Отец не мог просто так дать ей развод, я точно знаю, мы говорили с ним об этом. – Девушка сделала паузу, словно собираясь с мыслями, а затем выпалила:

– Это она убила, я знаю, чтобы избавиться от него! Он не дал ей развода, они ссорились, я слышала!

– Как же вы могли с кухни слышать разговор в кабинете на другом этаже? – мягко спросил следователь.

– Я... я хотела подслушать, но... но у меня ничего не вышло.

Бледные щеки Веры залила краска смущения.

– Это ужасно, она опозорила отца, обесчестила его имя! Но ей этого было мало! Она погубила его! – Слезы хлынули рекой. Горничная подросла с платками и успокоительными пилюлями.

Константин Митрофанович вышел и направился еще раз осмотреть место, где было найдено тело. Однако повторный внимательный осмотр площадки лестницы и коридора не дал ровным счетом ничего. Зато здесь он столкнулся с дворником Герасимом. Тот был допрошен первым, и его показания в целом совпадали с рассказом вдовы.

– Я извиняюсь, ваше высокоблагородие, словечко еще позволите сказать?

– Коли по делу, так говори!

– Ей-богу, не знаю, по делу ли! Только не подумайте, что я того... с приветом... – Дворник боязливо мял шапку и переминался с ноги на ногу.

– Да говори толком, не тяни!

– Я как услышал крик барина, ужасный такой крик, так тотчас и поспешил в дом, да наверх. А как поднялся по лестнице, так и обмер. – Герасим даже прикрыл глаза от ужаса. – Там призрак был!

– Какой призрак? – нахмурился Сердюков.

– Покойной барыни Тамары Георгиевны! – пролепетал дворник.

– Ты сильно пьешь? Вчера много принял? – рассердился следователь.

– Никак нет, ваше высокоблагородие! Вчерась, можно сказать, и не пил почти вовсе!

– Вот, видно, и допился до призраков! Экая дрянь это пьянство! Совершенно разума людей лишает, черт знает что делается! – вскричал раздосадованный полицейский.

– Вы зря изволите гневаться, сударь! Я хоть с вечеру и выпимши был, но самую малость. А как ее, матушку-покойницу, увидел, так и вовсе отрезвел совершенно! Я ее, как вас теперь, видел!

– И что ты видел?

– Платье такое, зеленое, покрывалом вся покрыта тонким, прозрачным... И идет легонько, словно бы и пола не касается.

Следователь с нарастающим интересом слушал собеседника. Видно было, что детали описания привидения им не выдуманы.

– И куда же он делся, этот загадочный призрак?

– А бог его знает! Я как барина на полу увидел, к нему кинулся, а он и исчез в тот же миг.

– Ну, допустим, ты видел нечто необычное. Но почему тогда Ольга Николаевна не видела призрака?

– Она выбежала и тоже бросилась к мужу, привидение у нее за спиной было, да и то – один миг, а потом и исчезло вовсе.

– Значит, кроме тебя, его никто не видел? – следователь вперил в дворника внимательный взор.

– Нет, не видел! – Герасим угрюмо покачал головой. – Оттого я и испугался, решил, что со мной нехорошее случилось, с моей головой то есть. А после мозгами-то пораскинул и думаю, может, оно его и убило, барина-то нашего, то привидение? Ведь оттого он и кричал так жутко, а?

«А ведь он не сумасшедший и не дурак, хоть и пьяница, да не запойный, стало быть, это не горячечный бред. Вот и зацепочка нашлась! Что ж, стало быть, надо и нам познакомиться с этим ужасным привидением и понять суть происходящего!» – думал Константин Митрофанович.

– Хорошо, Герасим! Тут есть о чем поразмыслить, только ты уж, братец, больше-то никому об этом не говори. Дурно пахнет эта история, а тебя в больницу Николая Угодника для душевнобольных упечь могут!

– Боже сохрани! – Дворник размашисто перекрестился. – Уж я такого страху натерпелся, я молчок, будьте покойны-с!

Они разошлись. Сердюков испытывал двойственное чувство от откровений мужика. Он не верил ни в какую чертовщину. Его сухой рациональный ум был склонен искать земное обос-

нование всем чудесам, особенно тем, за которыми стоит преступление. Но, как всякий живой человек, он не мог побороть жадного любопытства к потустороннему миру, густо замешенного на пещерном ужасе.

Глава 5

После ухода следователя Вера продолжала оставаться в расстроенных чувствах. Умом она понимала, что отца больше нет, но смириться с ужасной потерей никак не могла. Как теперь жить в лучах его славы, популярности, за счет изданий и переизданий книг, но уже без него самого?

По ее указанию послали телеграмму брату Павлу, работавшему инженером на Николаевской железной дороге. Вера ждала его с нетерпением, она не могла в одиночку сносить обрушившееся горе. Мачеха не в счет. Теперь они по разные стороны баррикад. Шаги! Господи, неужели это Павел!

Девушка приподнялась на кушетке и тотчас же со стоном разочарования упала обратно. Вошла Ольга Николаевна. Словно не замечая горящего взора падчерицы, молодая женщина спокойно и уверенно прошла по комнате, резким движением раздвинула тяжелые бархатные шторы, хранившие полумрак прошедшей страшной ночи. В комнату прорвался свет весеннего утра. День был пасмурный, под стать событиям. Ольга стояла у окна, лицом к деревьям, которые стремительно набирали силу. Как она их любила! Теперь, вероятно, она в последний раз любит на эти упругие ветки, полные живительных соков!

– Я знаю, что ты сказала Сердюкову, – не оборачиваясь, произнесла Ольга Николаевна. – И знаю, что ты обвиняешь во всем меня!

– Подслушивать подлю! – только и могла выдать из себя Вера, памятуя о своей безуспешной попытке ночью услышать их разговор.

– А что более отвратительно – подслушать или оклеветать, возвести ужасную напраслину на невинного человека? – тихим, но злым голосом спросила вдова.

– Напраслину?! – вскричала девушка, вскакивая и путаясь ногами в упавшем пледе. – Напраслину! Кто же, как не ты? Ведь в доме не было никого! Он же не мог дать тебе развод, вот просто так, потому что ты попросила! Ты убила отца, чтобы избавиться от него!

– Вера, ты действительно серьезно полагаешь, что я могла поднять руку на Вениамина Александровича? – В голосе мачехи слышалось искреннее удивление. В нем не было ни гнева, ни досады.

Ольга повернулась лицом к собеседнице, опираясь спиной о подоконник. Стройная изящная фигура в высоком проеме окна, ореол белокурых кудрей – точно красивая открытка из книжной лавки!

Вера не знала, что сказать, она смутилась, замешкалась с ответом. Глядя на мачеху, столь ненавистную ныне, она невольно вспоминала иные времена.

В те далекие годы, девять лет назад, Ольга Николаевна жила со своим отцом Николаем Алексеевичем Мироновым, известным всему Петербургу врачом. Миронов имел широкую практику, множество преданных учеников, десятки статей в медицинских журналах. Николай Алексеевич был лекарь от бога, и даже если пациент не получал волеизъявленного излечения полностью, сам факт лечения у такого доктора действовал как самостоятельное врачебное средство очень долго. Миронова интересовали разные области медицины, однако же наиболее рьяно он искал пути борьбы с инфекционными заболеваниями, которые косили жителей столицы, будучи самой первой причиной, уносящей людей в могилу. Он являлся активным поборником идей своего знаменитого коллеги Боткина, стал членом Эпидемиологического общества, без устали выступал перед публикой, ратуя за гигиену и чистоту, и призывал городскую Думу раскошелиться на благоустройство рабочих кварталов, где грязь и мерзость неустroенного быта рождали опасные болезни. Доктора Миронова частенько призывали на консилиумы,

особенно в тяжелых или непонятных случаях. Среди коллег ходили легенды о его удивительных способностях. «Вы подумайте, только глянул, и диагноз готов!» – говорили о нем.

Однако коварный враг, с которым неустанно боролся Миронов, нанес ему ужасный, непоправимый удар. Супруга доктора, верный и преданный друг, сочувствовала его идеям и много помогала мужу в больнице для бедных. Там-то и заразилась добрая женщина дифтерией, а вслед за ней и дочь Оля. Николай Алексеевич не отходил от постелей больных, не спал и не ел, падал с ног, весь почернел. Однако, несмотря на его опыт и знания, любимая жена покинула бренный мир. А девочку доктор выводил с превеликим трудом. Они остались вдвоем и долго не могли опомниться от горя одиночества и сиротства.

Время шло, и раны потихоньку затягивались. Оля росла и хорошела, превращаясь из шаловливого жизнерадостного ребенка в прелестную «кисейную барышню». Она с одинаковой жадностью поглощала и серьезные книги, и легковесные дамские романы. Штудировала журналы мод, собирала открытки и вырезала из журналов фотографии «этуалей». Правда, в ее комнате по-прежнему проживали и фарфоровые куклы в кружевных платьях, и плюшевые звери на девичьей кровати. Но в хорошенькой головке уже роились сладкие мечты о божественном чувстве и неясные образы будущего суженого. Доктор внимательно следил за развитием дочери. Слава богу, молодой организм преодолел последствия тяжелой болезни. Розовая кожа, блестящие глаза, хороший аппетит и ровный доброжелательный характер – тому доказательство. Оля благополучно отучилась в частной женской гимназии, однако, к некоторому удивлению отца, не пожелала ступить на стезю медицины. Она помогала отцу по его просьбе, жалела страждущих, но представить себя акушеркой или сестрой милосердия никак не могла. Кровь, запах лекарств, бесконечные боли и хвори. Нет, увольте, она и так выросла среди всего этого! Гораздо больше романтическую барышню манили книги, мир театра. Она читала до глубокой ночи, отец бранил ее и тушил лампу. Ходила в театр на все новые пьесы. Влюблялась то в одного, то в другого небожителя. В смелого героя с зычным голосом или томного любовника с лихо закрученными усами, в популярного поэта с безумным горящим взором, которого она узрела в модном литературном собрании. Николай Алексеевич посмеивался над дочерью и даже слегка сердился. Отчего бы Оле не влюбиться в подающего надежды, крепко стоящего на ногах молодого человека? У доктора даже был такой на примете, Трофимов Борис Михайлович, его ученик, а теперь соратник, толковый и деловой, и к Оле, кажется, равнодушный.

– Папа, это смешно! Твой Трофимов напоминает мне Базарова из сочинения господина Тургенева! Весь в своей науке! Он скучный, и мне совсем неинтересен! Мне нравятся другие мужчины!

– Знаю я, какие мужчины тебе нравятся! – И доктор брал с полки новое увлечение дочери – романы Вениамина Извекова. На первом листе книжки красуется портрет. Эдакий романтический герой, глаза с поволокой, манящие губы в таинственной полуулыбке.

Оля вздыхала. Что толку любить картинку! Грезить по ночам неожиданной встречей, пылким взглядом, нежным посланием? Все это в изобилии юная читательница находила на страницах книг своего кумира.

Однако в последнее время добавилась еще одна проблема. Оля заболела новым модным развлечением – синематографом. Там, в темноте зала, на мелькающем экране она увидела свой идеал женщины, недостижимую мечту. Тамара Горская – томная, страстная, темноокая и темноволосая красота. Выйдя после фильма «Страсть в ночи», бедная девушка не помнила, как очутилась дома. Образы экрана, безумные любовные страсти, переживаемые героиней, по-прежнему стояли у нее перед глазами. На следующий день Миронова снова сидела в зрительном зале и, затаив дыхание, не отрываясь, смотрела на экран и вздрагивала от звуков рояля. Через некоторое время новый шедевр с неподражаемой Горской покорила сердца столичной публики. «Юная богиня» заставила Оленьку рыдать в голос и пить на ночь успокоительные капли. После «Коварной искусительницы» девичья комната украсилась портретами

нового кумира. Горская в огромной шляпе, на лице таинственная тень. Горская, обернувшись к зрителю, в паутине густых черных волос. В шелковом полупрозрачном платье, позволяющем взгляду прикоснуться к пленительным формам. В сияющих лучах солнца, с белозубой светящейся улыбкой.

Как уподобиться тебе, о, прекрасная?! Как стать столь же неотразимой, чтобы волны любви и страсти разбивались и у моих ног?

И каково же было удивление Ольги, когда из газет она узнала, что обожаемое божество замужем за другим небожителем, романистом Извековым! Как же теперь поступить, кого предпочесть и как одновременно поклоняться и мужу, и жене?

Отец не одобрял «бессмысленного идолопоклонничества», но поделать ничего не мог. Оставалось только ждать, когда подлинное чувство вытеснит иллюзорные переживания из души дочери. Николай Алексеевич с простодушной наивностью пытался выступить в роли судьбы, придумывая разные случайности, в результате которых милый его сердцу Трофимов вдруг оказывался в их доме или ненароком попадался Оле на глаза в больнице.

– Папа, нынче опять Боря Трофимов забегал.

– Да, я посылал его по своей надобности.

– Знаю я эту надобность, он битый час просидел подле меня! – Оля смеется. – Все толковал о том, как холерных больных выхаживать! То-то мне это интересно!

– Да! – смущенно трет пенсне отец. – В науке медицинской из него выйдет толк, а вот в науке куртуазии, видимо, нет!

Одного Николай Алексеевич все-таки добился своими неуклюжими попытками. Трофимов влюбился в Олю. И это обстоятельство было видно даже без пенсне. Борис Трофимов, будучи человеком искренним и бесхитростным, увлекся очаровательной дочерью Миронова, но не смел и пикнуть о своих чувствах, так как испытывал к учителю глубочайшее почтение. Поэтому единственное, что мог позволить себе начинающий эскулап, – это робкие ухаживания, принимавшие вид разговоров на умные темы. Он ужасно робел и стеснялся смешливой и неглупой барышни, которой очень хотел понравиться, но не знал, как. Единственной стихией, где он чувствовал себя свободно, была наука, медицина. Да и о чем говорить доктору с дочерью известного на всю столицу коллеги? Оля отчаянно скучала в его присутствии, а уж когда он вдруг позволил себе ироническое замечание в адрес «легковесных и пошлых извековских творений», то и вовсе надулась на собеседника. Трофимов, выйдя на улицу, вдруг осознал допущенную оплошность и ужаснулся своей глупости. На следующий же день рассыльный принес на квартиру Мироновых пакет, украшенный огромный ярким бантом. Внутри оказался новый роман любимца Ольги, в дорогом переплете и с изысканным портретом на первом листе. Накануне перепуганный Трофимов ринулся в книжные лавки, где чуть было не стал жертвой давки. Однако же любовь помогла ему избежать ужасной участи. Трепеща, он послал свой подарок и был великодушно прощен.

Жизнь потихоньку шла своим чередом, но однажды привычный порядок вдруг был взорван огромными переменами. Все началось с переезда в новую квартиру. Миронов, имея большую и доходную практику, смог наконец позволить себе дорогое жилище в самой модной части Петербурга. Семья переехала на Каменноостровский проспект, где селились известные литераторы, адвокаты, артисты и доктора. Новый дом строился в стиле «югендштиль», как, впрочем, и многие другие здания в квартале. Роскошные апартаменты с высокими готическими окнами, камин, выполненный по специальному эскизу, витиеватая лепнина под потолком. Телефон компании «Эриксон». Большая ванная комната, где можно было блаженствовать в пене, как богиня Венера. Прачечная в подвале, яркое электричество, заливавшее все помещения, отопление комнат паром в специальных трубах. Не будет возни с печью и дровами, не будет вечно коптящих ламп! Канализация, удобная уборная. Словом, невиданный комфорт! Пришлось заказывать новую мебель, под стать жилью. Доктор и дочь погрузились в водоворот хлопот и

страшных расходов. Это было приятно и утомительно одновременно. Одно печалило Николая Алексеевича: дорогая супруга не увидит всего этого великолепия. Новоселье отпраздновали шумно и весело. Правда, потом еще долго обустривались и привыкали к новому жилищу.

Дом, где поселились Мироновы, имел репутацию современного, но дорогого. Поэтому некоторые апартаменты пустовали, особенно самые роскошные, в бельэтаже в левом крыле здания. И вот однажды Николай Алексеевич, воротясь домой от пациента, зашел к дочери с таинственным видом.

– Хочу тебя удивить, дорогая моя!

Оля с любопытством воззрилась на отца, отложив очередной роман в сторону. Миронов многозначительно поглядел на обложку и продолжил:

– Угадай, кто теперь будут наши соседи? – Отец хитро прищурился. Оля пожала плечами.

– Не поверишь! Извеков и Горская!

Оля ахнула и впрямь не поверила. Как такое может быть, чтобы олимпийские боги могли жить по соседству!

Глава 6

Оля не поверила словам отца и, наскоро одевшись, выбежала из квартиры. Дойдя до угла здания, она обнаружила ломовиков, снующих людей, переносящих мебель, коробки, узлы. Словом, обычную картину переезда, которую можно наблюдать в столице довольно часто. Девушка стояла поодаль, обуреваемая разочарованием. Чего она ждала, и сама не знала, но обыденность происходящего произвела на нее какое-то неприятное впечатление. Тут же находились дети, два непослушных шумных мальчика, которых гувернантка безуспешно пыталась унять, и высокая девочка-подросток. Дети? Нежели у тоненькой, изящной Горской трое детей? А это кто стоит с недовольным и раздраженным видом?

Оля обмерла. Извеков собственной персоной! Только его почему-то не узнать. Лицо сероватого оттенка, мешки под глазами, тычет тростью в узел и говорит сердито. Рядом стоящая дама устало машет рукой и, взяв одного из шалунов за руку, идет к парадной двери. Оля смотрит и не верит собственным глазам. Нет, это не она! Или она? Дама поднимает голову и видит девушку на тротуаре. Опять поклонницы! Что ж, тяжело бремя славы, иногда оно ох как мешает! Горская улыбается, иначе нельзя! И тотчас же свет божественной улыбки озаряет утомленное лицо, на секунду исчезает усталость и отступают заботы. Перед девушкой оживший знакомый портрет. Оля оробела, неловко поклонилась и в большом смущении поспешила домой.

Николай Алексеевич тотчас понял, что произошло. Бедная девочка испытала горькое разочарование, увидав, что ее кумиры живут на грешной земле и их жизнь не отличается от будней обывателей.

– Тебя удивил вид Горской! Но помилуй, ведь когда она далеко на сцене или и вовсе на экране, она кажется значительно моложе! Грим, свет – и зритель видит совсем иного человека! К тому же последнее время ее новых фильмов что-то не выходит!

Разговор происходил за обедом. Оля без аппетита ковыряла сардины в своей тарелке, чем вызвала недовольство отца.

– Ты уж, милочка, ешь, пожалуйста, не хандри!

Оля молча наклонилась над тарелкой, но пища не лезла в рот. Разве таким она представляла благородного и прекрасного Извекова? И эти неприятные, шумные дети! У таких-то родителей! Нет, увиденное ужасно! Она не перенесет крушения своих иллюзий!

– Вот и хорошо, что ты поняла. Любимцы публики тоже люди, и совсем не стоит надеяться на какие-то удивительными чертами! Теперь ты, быть может, и на простых людей обратишь свой взор, а? Может, и Трофимов не покажется уже столь заурядным, хотя это, ей-богу, несправедливо!

– Опять ты о своем несносном Трофимове! – Оленька в отчаянии бросила салфетку на скатерть и горько заплакала.

– Вот дела! – подивился отец. – Эдак, душенька, у тебя случится полное расстройство нервов!

Но дочь уже не слушала его. Она выскочила из-за стола, и, обливаясь слезами, побежала к себе. Но и там не нашла ее душа отдохновения, ибо из всех углов на нее смотрели обожаемые кумиры в их прежней неземной красе. Оля невольно стала представлять себе, как они обживают квартиру. Садятся за стол, дети дерутся и капризничают. Бранят прислугу. Ссорятся меж собой или целуют друг друга. Принимают ванну или, о, боже мой, посещают уборную! От подобных картин Оля невольно прыснула и задумалась. В подобных образах они еще не являлись к ней. Однако представлять сюжеты такого рода оказалось не менее интересно, нежели грезить наяву о романтических погонях, свиданиях под луной и томных поцелуях в таинствен-

ных замках. И тут Оля поняла, что теперь ей страстно хочется только одного: увидеть эту жизнь своими глазами, потрогать руками, подглядеть в щелочку!

Пришедший Николай Алексеевич нашел дочь совершенно успокоившейся.

– Я вот что подумал, уж коли у них трое детей, то вскорости они за мной пришлют. Чихнет кто, или понос разберет. Так что я предполагаю быстрое и близкое знакомство со знаменитым семейством!

Просто удивительно, как стремительно иногда сбываются даже самые смелые мечтания!

Миронов оказался провидцем. Все произошло именно так. Не прошло и месяца, как один из мальчиков захворал. Прибежала прислуга и просила от имени своих господ соблаговолить осмотреть ребенка, принося при этом тысячу извинений за беспокойство. Оля ждала отца в величайшем нетерпении. Вернулся он поздно, и его рассказ дочь слушала с жадностью.

– Как я и предполагал, обычная семья, обычные хлопоты. Трое деток – это нешуточная обуза для любой женщины, а тут такая знаменитость! Только дома этого не заметно. Усталая и расстроенная мать семейства! Однако дама чрезвычайно любезная и доброжелательная. Никакого снобизма и заносчивости, и красота ее в домашней обстановке какая-то иная, более трогательная, что ли! Милейшая женщина, ангел!

– А Извеков, каков он?

– Трудно сказать, я его и не видел почти. Он вышел из своего кабинета только поздороваться да попрощаться напоследок. Двух слов не сказали друг другу. Горской вроде как и неловко было. Отговорила муками творчества, мол, иногда сами его сутками не видят, не выходит, все творит!

Оля задумалась. Этот образ вполне вписывался в ее представления о жизни великих писателей.

– А дети, они и впрямь столь несносны?

– Вовсе нет, подвижные веселые мальчики-погодки. Шумные, как вся ребятня в их возрасте. Балованные только. А вот девочка непростая, сложная девочка, с характером!

В последующие месяцы доктора неоднократно призывали в дом именитых соседей. В конце концов Николай Алексеевич устроился, чтобы Тамара Георгиевна попросту звонила по телефону, а не гоняла всякий раз горничную. Постепенно выяснилось, что именно сама Горская более других членов своей семьи нуждается в услугах Миронова. Таким образом, он стал личным врачом знаменитой актрисы. Естественно, Николай Алексеевич не обсуждал с дочерью болезней своей пациентки, но всякий раз по его лицу Оля понимала, что Горскую донимают нешуточные хвори. И это казалось юной барышне непостижимым, потому как на людях и на экране актриса производила впечатление цветущей женщины. Но что можно разглядеть издалека да под вуалью?

Иногда знаменитая чета приглашала гостей. Оля могла тогда наблюдать, как под вспышками фотоаппаратов съезжались богачи и знаменитости в неопишуемых нарядах, в роскошных колясках, а некоторые даже прибывали на модных новинках – автомобилях, которые фыркали и дымили, пугая любопытных и дворовых кошек. К слову сказать, после того, как Извеков и Горская поселились в доме, многочисленные поклонники их талантов сделались бесконечной головной болью для неименитых жильцов, дворника и швейцара. Миронова с ревнивой досадой замечала всякий день на посту перед парадной или под окнами то экзальтированных дамочек, то полубезумных юношей. Каждый чаял узреть своего кумира. Проходя мимо, Оля окидывала их презрительным взглядом, забывая, что сама недавно была такой же. Девушка по-прежнему грезилась о своих любимцах, но эти фантазии теперь носили весьма приземленный характер. По рассказам отца она могла живо представить обстановку дома, характеры детей, Тамару Горскую в домашней обстановке. Только Вениамин Александрович оставался загадкой, он почти не покидал стен кабинета, так что порой доктор, уходя, и не знал, есть хозяин дома или нет.

И вот однажды Николай Александрович заявил дочери:

– Нынче говорили с Горской о тебе.

Оля восторгалась.

– Она жаловалась на Веру, свою дочь, а я, грешный, похвастался, что меня Господь награждает за труды мои истинным ангелом, моей милой доченькой! Тогда она и предложила тебе навестить их в будущее воскресенье, полагая, что для ее девочки положительный пример дочернего послушания совершенно необходим!

– Ой, папа! Какой ужас! Зачем, зачем ты выставил меня в таком свете? Я вовсе не ходячая добродетель! Это, ей-богу, глупо! – Оля от досады вплеснула ручками.

– Отнюдь! Подружишься с юной барышней Извековой, будешь вхожа в дом, как свой человек. Ведь ты об этом мечтала? – заметил отец.

Накануне знаменательного визита бедная девушка не могла ни есть, ни спать. Она тысячу раз перебрала в голове, как она будет вести себя, что говорить, что наденет. Бог ты мой, и спросить совета не у кого! Не побежишь ведь к гимназическим подругам, какой от них прок? На другой день она долго мучилась перед зеркалом и наконец, вполне удовлетворенная собой, вышла к отцу. Миронов оторопело уставился на дочь.

– Ты это что себе позволяешь? Что за нелепый наряд? А прическа! Господи, а что с твоим лицом, сударыня? Неужто ты возомнила себя красоткой с этих пошлых картинок в журналах?

Оля со смешанным чувством снова бросилась к зеркалу. На нее смотрела вульгарная и яркая дамочка, эдакая кафешантанная красотка непонятного возраста. Миронов пал духом. Бедная девочка, ей некому помочь, подсказать. Как сложно воспитывать дочь без матери! Вспомнив о покойной жене, он смягчился.

– Пойми, глупенькая, ты хороша своей юностью, тебе нет нужды цеплять на себя все это именно сейчас. Придет время, успеешь еще и корсет затянуть потуже, и губы нарисовать поярче, и волосы взбить. А теперь ступай обратно да сними с себя все это поскорее, и лицо умой. Будь сама собой. Надень платьице, в котором в церковь ходишь, оно и скромное, и красит тебя чрезвычайно!

– Это блеклое, нелепое платье! Я его просто ненавижу! – Олины глаза наполнились слезами.

– Если ты вздумаешь реветь, мы никуда не пойдем, а госпоже Горской я принужден буду заявить, что моя дочь оказалась глупой и капризной барышней! – решительно сказал отец.

Оля все же поплакала тихонько в своей комнате, совсем чуть-чуть, чтобы глаза не покраснели. Она путалась в белье, чулках, лифе, яростно терзала волосы, уничтожая замысловатое сооружение на голове. Через полчаса она снова предстала перед строгим судьей. На сей раз это была прежняя милая Оля, прелестная, естественная, в шелковом кремовом платье, вовсе не таком уж и блеклом. В свое время она сама выбирала его в модном магазине и считала его очаровательным. Волосы аккуратно заколоты черепаховыми шпильками вокруг затылка, образуя пушистую корону. На стройных ножках шелковые светлые чулочки и изящные туфельки из тонкой кожи. Доктор оглядел дочь с ног до головы, и они отправились с визитом.

Глава 7

Мироновы нервничали, стоя перед массивной дверью с начищенной медной ручкой и фигурной кнопкой электрического звонка. Оля боролась со смущением и робостью, Николай Алексеевич волновался за дочь. Шутка ли, предстать перед такими знаменитостями! Милосвидная горничная распахнула дверь, и гости очутились в просторной прихожей. Оля на секунду зажмурилась. Сейчас ее грезы станут явью. Она сделала несколько шажков и замерла. Из глубины квартиры доносились звуки рояля, и приятный женский голос выводил популярный романс.

– Барыня-с! – пояснила горничная на вопросительные взоры. – Пожалуйста, вас ждут!

Оля, следуя за горничной, с нескрываемым любопытством оглядывала комнаты. Да, да, именно так она и представляла себе квартиру Извековых по рассказам отца. Роскошь, но не грубая, вычурная, а тонкая, на ценителя. Роскошь прекрасного вкуса, продуманного комфорта, с расчетом не только на собственное бытие, но и на предвзятый посторонний взор. Сценические подмостки в собственной спальне и столовой. Гостиная была обширной, и вся залита электрическим светом. Переливы хрустальной люстры под лепным потолком заставили Миرونю ахнуть про себя. Ее огни отражались в натертом до зеркального блеска наборном паркете. Мебель мастерской Гамбса была расставлена таким образом, чтобы образовывать отдельные уголки, удобные для общения разных групп гостей. Высокие окна украшены богатыми шторами, собранными в сложные затейливые складки. Меж окон красовался беккеровский рояль, упиравшись в пол львиными лапами. На полу в углах, на столиках и этажерках в изобилии благоухали многочисленные цветы в вазах и корзинах. От живого великолепия, нежного аромата, ярких лент и оберточной бумаги у девушки закружилась голова. Сидевшая за роялем хозяйка поднялась навстречу гостям.

– С непривычки вам может почудиться, что вы в оранжерее Ботанического сада, но это скоро пройдет! – мелодичным голосом произнесла Горская. – Прошу вас, Ольга Николаевна, не смущайтесь!

И она дружески чуть обняла не на шутку оробевшую барышню. У Оли едва не отказали ноги. Сама богиня говорила с ней! Тамара Георгиевна подвела гостью к одному из кресел и усадила. И тут Оля обнаружила, что в комнате присутствует еще одна девушка, вернее, девочка-подросток. Видимо, это и есть Вера, старшая дочь хозяев. Догадка оказалась верной, девушек познакомили. Вера с пытливым любопытством воззрилась на новую знакомую, словно ища в ней некий изъян. Оля незаметно вздохнула, вероятно, мать накануне уже ставила ее в пример. Николай Алексеевич первым делом поинтересовался здоровьем хозяйки и домочадцев, после чего они стали тотчас же обсуждать эту тему.

– Ольга Николаевна, вы, вероятно, тоже являетесь почитательницей папы и мамы? – Вера сверлила гостью взором.

– А разве в вашем доме бывают люди, которые думают иначе? – мягко улыбнулась Оля, чувствуя в девочке какую-то внутреннюю враждебность. – Я зачитываюсь книгами вашего отца и пересмотрела все спектакли и фильмы с вашей маменькой, и не один раз!

Девочка удовлетворенно кивнула.

– А кого вы обожаете больше, писателя Извекова или актрису Горскую? – помолчав, спросила она с некоторым лукавством.

Оля легонько рассмеялась.

– Это разные искусства. Каждый хорош в своем амплуа!

– Вера! Ну, как тебе не совестно приставать к госпоже Мироновой с нелепыми вопросами! Быть может, она не любит кино или такого рода чтение! – Горская с укором вмешалась

в диалог девушек. – Вы простите ее, она еще совсем юна и искренне убеждена, что все вокруг должны принадлежать к нашим обожателям. Увы, Вера, жизнь в искусстве полна не только роз, шипов в ней еще больше! – наставительно произнесла мать, обращаясь к девочке.

– Однако же роз явно больше! – Миронов, улыбаясь, прикоснулся к одному цветку. – А дочь моя и впрямь без ума и от вашей игры, и от книг вашего супруга.

– Кто тут без ума от моей скромной писанины? – раздался громкий голос за дверью, и на пороге появился Извеков собственной персоной.

Оля заворуженно смотрела, как он раскланялся с отцом, а затем двинулся в ее направлении.

– Так-так! Вот, значит, какая чудная дочь у нашего ангела-хранителя. Да она сама подобна нежному ангелу! – И Вениамин Александрович слегка прикоснулся губами к Олиной ручке.

Ее хотелось закричать и убежать, такое волнение объяло всю девичью натуру. Она в смущении отвела взгляд и увидела глаза Веры. В них была ревность. Миронова знала от отца, что девочки, случается, испытывают очень сильные собственнические чувства к родителю, ревнуя его порой даже к матери. И как было не любить такого мужчину! Перед Олей стоял оживший портрет из книг, сама романтическая мечта, сама изысканность и загадочность. Девушка почувствовала, как волны магического влияния Извекова захлестнули ее. Лицо Тамары Георгиевны тронула неуловимая саркастическая усмешка. Завязалась беседа. Оля поначалу отмалчивалась, потом, подбадриваемая любезной хозяйкой, осмелела и развеселилась. А веселиться было чему. Хозяин дома оказался непревзойденным рассказчиком и шутником. Оля слушала его как заворуженная. Боже, как он прекрасен, как умен! Как выразительны его глаза, подвижно лицо, какой чарующий голос с бархатными интонациями!

Подали чай с пирожными, коньяк, мадеру и фрукты. Извеков живо плеснул себе солидную порцию в небольшой пузатый бокал. Доктор бросил внимательный взгляд на бокал хозяйина, сам же чуть пригубил вина. Оля тем временем, с трудом оторвавшись от созерцания Извекова, украдкой поглядывала на его жену. Так ли она безупречно хороша в жизни, как на экране и на афишах? Удивительное дело, обнаружили морщины, легкая седина, обозначившаяся складочка около губ, усталость в движениях. Но это ничуть не умаляло ее красоты, не портило неотразимого обаяния и необычайной притягательности! Сколько же ей лет?

Тайные наблюдения молодой гостьи были прерваны победным кличем двух сорванцов, которые вырвались из-под надзора гувернантки и клубком вкатились в гостиную.

– Кирилл! Павел! Несносные мальчишки! – Мать хотела, чтобы голос ее звучал строго, но в нем слышалась только усталость и любовь.

– А, молодые люди! – приветствовал их Миронов. – Судя по резвости движений, у вас, Кирилл, живот уже не болит? А что это за шишка на лбу у вашего младшего братца?

Мальчики наперебой закричали, обвиняя один другого в обидах и побоях. Вера сморщилась от их криков и демонстративно зажала уши руками. Мать терпеливо выслушала поток бессмысленных обвинений. Конечно, всем взрослым казалось, что глупо ссориться из-за сломанной старой игрушки. Но дети так не считали. Они готовы были тотчас же опять мутузить друг друга. Извеков явно начинал терять терпение, на лице его появилась уже виденная Олей гримаса раздражения. Дети его утомляли. И немудрено, великие писатели нуждаются в постоянной тишине и покое для создания своих бессмертных произведений! Как это граф Толстой умудрялся творить в доме, где росло не трое, а тринадцать детей! Тамара Георгиевна поспешила привлечь к себе обоих сорванцов и погасить ссору ласками и поцелуями.

– Вот так всегда! – с досадой прошептала Вера, а мать взглянула на нее с укоризной.

Успокоившись, мальчики разом воззрились на гостью. Оля растерялась, она побаивалась шумных детей, не зная, как вести себя с ними. При ближайшем рассмотрении она поняла, что они не столь малы, как ей показалось вначале. Просто ростом невысокие, крепенькие, как два

боровичка. Волосы густые, темные, глаза большие и яркие. Эффектная красота матери уже чувствовалась во всем их облике, чего не скажешь о Вере. Ей также передались изысканные черты родительницы, но все портило недовольное и капризное выражение, которое не сходило с ее личика. Удивительно, но сходства с Извековым в детях совсем не наблюдалось, словно он и не был их отцом.

Мальчики стали кружить вокруг молодой гостьи, и той пришлось волей-неволей уделить им внимание. Видя, что братья собираются втянуть Ольгу в свои несносные игры, Вера высоким голосом произнесла:

– Ольга Николаевна, хотите, я комнату свою вам покажу?

Конечно же, любопытно было взглянуть, Оля по себе знала, как много тайн может быть сокрыто в девичьей светелке. Надо только уметь их увидеть. Она кивнула в ответ, и девушки покинули гостиную.

Жилище Веры оказалось занимательным. Конечно, тут красовались портреты ее знаменитых родителей, книги отца. И этим оно не отличалось от комнаты барышни Мироновой. Но здесь гостья обнаружила альбомы с неплохой акварелью и рисунками, аккуратные вышивки, стопки нот. Оля не ожидала у девочки таких интересов и талантов.

– Вы удивлены? – с некоторым вызовом спросила Вера, прочитав мысли гостьи по лицу.

– Отнюдь! – дружелюбно ответила Ольга. – У таких родителей не может быть обычных, бесталанных детей!

– Какие такие таланты! – с досадой воскликнула Вера. – Я не могу написать ни строчки, не могу лицедействовать даже в домашних спектаклях! Нет во мне ничего такого! Я самая обычная, никудышная и никому не интересная! Со мной говорят только из интереса к родителям! Я...

Она задохнулась от чувств и замолкла, испугавшись неуместной откровенности с мало-знакомым человеком.

– Мой отец известный и очень хороший врач. Конечно, его известность не сравнится с популярностью ваших родителей, Вера. Я же самая обычная девушка и не страдаю от этого. Каждый человек послан в эту жизнь Богом для своей особой роли, и мы не знаем, что это за роль. Какой прок переживать, что вы не точное повторение своих гениальных родителей? Зато у вас есть то, чего нет у других людей, и оно так же прекрасно, как прекрасно вообще все, что нас окружает, только мы часто не видим этого, не понимаем и не ценим!

Ольга, улыбаясь, перебирала акварели. Вера, задумавшись над ее словами, молча положила на колени Мироновой пухлый альбом. На его страницах многочисленные гости оставляли свои записи и рисунки. Оля полистала альбом, и ей стало жаль Веру. Взрослые люди, писавшие в альбоме для девочки, в первую очередь рассчитывали, что их записи прочтут Извеков или Горская. Она поняла, что бедняжка жила в пустоте, у нее не было близких друзей, с которыми так здорово пошептаться о девичьих тайнах! Единственные, кого она жаждала бы иметь друзьями, – это родители. Но тем было недосуг. У знаменитых личностей мало времени! Искусство, поклонники, светские обязанности! Да еще несносные братья, которые отрывают внимание и любовь родителей. Остаются жалкие крохи!

– Хотите, будем дружить? – предложила Ольга, захлопнув альбом.

Вера смотрела недоверчиво.

– Полно, Вера, нельзя жить на свете такой букой! – Оля придвинулась ближе к девочке, а та вдруг пылко обняла ее.

– Вы чудная, такая добрая, светлая! Вы как моя мама!

Оля обмерла. Услышать подобное из уст дочери Горской! Она даже растерялась, но положение спасла горничная, пришедшая звать барышень вниз, в столовую.

Во время обеда Оля то и дело ловила на себе заговорщицкие взгляды Веры. Еще бы, теперь у них появилась маленькая тайна. Тамара Георгиевна с явным удовлетворением заме-

тила, что девушки подружились. Ее беспокоило одиночество дочери, и взрослая благовоспитанная барышня пришлась как нельзя кстати. За столом по-прежнему царил хозяин дома. Выпитое вино разгорячило его, кровь прилила к щекам, сделав лицо с тонкими чертами особенно выразительным. Разговор касался литературы. Оля, читавшая много, очень хотела вставить словечко, но робела. Горская иногда поддакивала мужу, который сыпал умными мыслями и остротами как из рога изобилия. Даже доктор Миронов в конце концов замолчал, боясь прослыть невежей в этом доме. Между тем шаловливые дети, уловив момент, когда внимание к ним ослабло, скользнули на пол и оказались под столом. Уже потом Оля узнала, что это была любимая домашняя забава, дергать гостей за платья и ноги. Через мгновение она почувствовала, как маленькие озорные ручки тянут ее туфли в разные стороны. Девушка с трудом подавила желание взвизгнуть, чем испортила шалунам все удовольствие. По ее лицу Горская поняла, что происходит. Извеков, прервав на полуслове свой яркий монолог о судьбах русской литературы, уже тащил сыновей из-под скатерти, щедро раздавая им тумачи. Преступников выдворили из гостиной, и беседа возобновилась.

– Вы явно понравились нашим детям, мадемуазель, – стремясь скрасить неловкость, произнес Вениамин Александрович. – Они в барышнях знают толк и кого попало за ножки хватать не будут!

Вера при этом фыркнула, а Тамара Георгиевна едва заметно вздохнула.

После знаменательного знакомства не прошло и нескольких дней, как Вера пригласила новую приятельницу прогуляться в сад «Аквариум». Приглашение было принято с благодарностью, и в сопровождении гувернантки, блеклой сухой англичанки мисс Томпсон, они отправились на прогулку. День выдался чудесный, солнечный. Правда, ветер, налетавший порывами, грозил унести прочь шляпы дам. Иногда он и вовсе позволял себе непристойные вещи. Вздыхал вверх юбки, показывая прохожим стройные ноги, запрятанные под многочисленные складки и оборки. Мисс Томпсон злилась и шипела, как старая недовольная кошка, пытаясь унять полет юбок, придерживая их специальным шнуром.

– В Петербурге всегда или дождь, или ветер, или снег. Какой ужасный климат! Неужели царь Петр не мог выбрать другого места для своей столицы! – произнесла она по-английски трубным голосом и высморкалась.

– Но, мисс Томпсон, жители Петербурга уверены, что в Лондоне дожди идут каждый божий день, и такой туман, что ни зги не видно! – со смехом заметила Ольга.

– Глупые небылицы! – последовал недовольный ответ.

В это время налетевший ветер одним махом сорвал шляпу с головы гордой дочери Альбиона и понес ее прочь. Вся троица с громким криком устремилась вдогонку. Беглянка вскоре была поймана, но имела жалкий вид. Такой же вид был и у ее хозяйки. Англичанка с отчаянием воззрилась на покалеченную шляпу и не рискнула более водрузить ее на голову. Кажется, прогулка безнадежно испорчена. Но мужественная женщина не могла пренебречь своим долгом во имя внешности. И они отправились дальше. К слову сказать, вечером Вера в красках поведала матери о горе гувернантки, и уже на следующий же день по распоряжению Горской была куплена и доставлена новая шляпа.

В саду, как всегда, было полно народу. Разодетая щеголеватая публика валом валила в синематограф, ресторан, летний театр, прохаживалась по оранжереям среди экзотических растений. Прилипнув носами к стеклу, рассматривала рыб и прочих обитателей морского дна в огромном аквариуме. Девушек закружил людской водоворот. Мисс Томпсон, покоровшись горькой судьбе, уныло плелась следом. Хорошо, что хоть мальчиков оставили дома. Вот непоседы! А барышня Миронова очень мила! Прекрасное общество для мисс Веры.

В тот момент, когда огромная пучеглазая рыба лениво проплыла мимо лица Ольги, сзади раздался изумленный радостный вопль:

– Оленька!

Оля отпрянула от стекла аквариума и обнаружила за собой Трофимова. Его счастливая улыбка показалась Ольге Николаевне просто идиотской. Пришлось познакомить его с Верой и гувернанткой. Борису было все равно, кто стоит рядом с его ненаглядной Оленькой. Но девушка не разделяла его энтузиазма. Она и помыслить не могла, что далее они будут прогуливаться вчетвером. И тут ей в голову пришла коварная мысль. Заявив, что уже пора подкрепиться, она решительно потащила всю компанию в сторону самого дорогого ресторана, заранее зная, что у небогатого Трофимова наверняка нет таких денег. И впрямь, Борис тотчас стушевался и сник, отговорился неотложными делами и откланялся. Глядя вслед уныло ссутулившейся спине, Оля испытала нечто близкое к угрызению совести.

– Жалко! Ошен жалко! Короший молодой человек! – прогнусавила проникательная англичанка. – Позвольте, мисс, дать вам совет. Из таких бедных и нелепых мальчик иногда выходит достойный муж и кавалер! Надо толко глядеть вперед, ошень зорко глядеть, госпожа Миронова. Как это у вас говорят, лутше синиц в руках, чем в небе журавел!

Чертова англичанка! Тебя лишь не хватало с глупыми сентенциями! Видимо, ты в своей жизни не словила не только журавля, но и синицы!

Оля делано улыбнулась. Настроение испорчено окончательно. Придется и впрямь зайти в ресторан и съесть чего повкусней!

Глава 8

Следователь Сердюков пребывал в раздражении. Что еще за привидение? Разве может водиться привидение на обычной, хотя и очень дорогой, даче под Петербургом? Доселе он полагал, что призраку подобает появляться как минимум в старинном заброшенном доме или древнем замке. Выплывать из тьмы веков, так сказать. А тут-то откуда? Дом построен лет двадцать назад, а то и меньше. Хотя на замок в миниатюре и впрямь похож! Полагая, что от дворника более ничего нельзя добиться, он снова решился побеспокоить сироту. Когда он вошел, в комнате Веры оказалась и вдова.

– Прошу простить меня, сударыни! Существует одно престранное обстоятельство, которое мне бы хотелось выяснить безотлагательно.

Сердюков выжидательно замер у входа, справедливо полагая, что при сложившихся обстоятельствах его могут и за дверь попросить. Тем более что нюхом опытного сыщика он ощутил некую напряженность или даже враждебность между женщинами, разлитую в воздухе.

– О господи, это несносно! – простонала Вера, бессильно откинувшись на подушках.

– Вера, возьми себя в руки! – строго произнесла Извекова. – Господин Сердюков пребывает здесь не из праздного любопытства. Он ищет причину смерти твоего отца!

– Благодарю за понимание, госпожа Извекова! – скромно поклонился Константин Митрофанович.

Длинными ногами он в два шага пересек комнату и опустился на указанный ему стул. Стульчик жалобно скрипнул. Хозяйки одновременно посмотрели с недовольным видом.

– Что вы еще хотели узнать, господин следователь? – со вздохом спросила Ольга Николаевна.

– Видите ли, сударыня, ей-богу, я даже не знаю, как и подступиться к этому вопросу.

– Вы хотите узнать нечто деликатного свойства? – Лицо женщины стало напряженным.

– Наверное, можно и так сказать. Однако водятся ли в вашем доме привидения? – собравшись с духом, выпалил следователь.

– Привидения? – изумилась Извекова и с подозрением стала вглядываться в лицо собеседника, словно ища там следы слабоумия.

Следователь тем временем отметил про себя, что Вера не вскрикнула удивленно, как ее мачеха, а испуганно прикрыла веки.

– Кажется мне, сударыня, что падчерица не разделяет вашего недоумения. Позвольте полюбопытствовать, Вера Вениаминовна, вам не доводилось сталкиваться в этих стенах, или, быть может, в саду, или еще где-нибудь с чем-либо, что могло вас напугать, нечто непонятное, жуткое?

– Доводилось, – глухо ответила девушка.

Мачеха вздрогнула и посмотрела на нее с нескрываемым недоумением:

– О чем ты, Вера?

– О том, что я видела.

– И что вы видели, сударыня? – как можно мягче произнес полицейский.

– Я видела... – почти шепотом выдавила из себя девушка. – Я видела маму.

Ольга Николаевна охнула и прикрыла рот рукой.

– То есть призрак мамы, – едва слышно добавила девушка.

– А как она, то есть он, тьфу ты, словом, как выглядело то, что вы видели? – продолжал расспрашивать следователь.

– Она была в своем любимом зеленом платье. На голове шляпа, вуаль, бриллианты на шее.

Страшные воспоминания давались Вере с трудом. Она совсем изнемогала. Бледное лицо покрылось испариной.

– Призрак сказал вам что-либо или показал жестами?

– В первый раз она просто прошлестела мимо, и все. После она подошла совсем близко, а когда я опомнилась от страха, исчезла. В третий раз...

– Бог ты мой, был и третий! – пролепетала Извекова, глядя с ужасом на падчерицу.

– В третий раз я решила, что непременно переборю свой страх и попытаюсь заговорить с ней.

– И вам это удалось?

– Да, но она не ответила мне, только протянула руку, улыбнулась и... пропала! – Вера начала давиться слезами.

– Вера Вениаминовна, пожалуйста, припомните, где, при каких обстоятельствах появлялся призрак Тамары Георгиевны?

– Все три раза здесь, на даче. Первый раз это случилось прошлой осенью. Она явилась мне ночью, у дверей моей комнаты.

– Но ты ничего не говорила ни мне, ни отцу! – воскликнула Ольга Николаевна.

– До меня ли вам было! – язвительно ответила девушка. – Вы с папой ссорились, выясняли отношения, а потом и вовсе исчезли. Мы остались одни, была уже глубокая осень, пора возвращаться в Петербург. Но отец тянул, видимо, надеялся, что вы воротитесь. Ведь он и теперь приехал, думал встретить вас тут. Вот и встретил. Свою смерть!

Вера метнула ненавидящий взгляд в сторону мачехи, та побледнела, но присутствие постороннего заставляло ее быть сдержанной.

– Прошу вас, сударыня, продолжайте! – Сердюков легонько дотронулся до пледа, которым была укрыта Вера.

– Да, я продолжу. Мы остались одни. При нас жил дворник, горничная, камердинер отца, повар. Соседи, их тут совсем немного, и те все съехали. Однажды, уже стояла ночь, лил бесконечный дождь и мне не спалось. Я беспокоилась о папе. Он тяжело переживал разрыв с Ольгой Николаевной. Хворал, тоже не спал. Я слышала его шаги по дому и вышла из своей комнаты, чтобы пойти к нему. В коридоре царил мрак. Я сделала несколько шагов и увидела ее. Я не поняла, откуда она появилась и в какой момент. Я так испугалась, что, мне кажется, на миг потеряла сознание, а когда пришла в себя, вокруг была пустота и звенящая тишина, такая странная, плотная тишина. Или это у меня уши заложило от страха, не знаю. Я бросилась к отцу, но он уже спал, и, памятуя о его бессоннице, я не посмела его тревожить. На другой день я решила, что у меня, вероятно, произошло расстройство нервов или, того хуже, галлюцинации. Я совсем пала духом, испугавшись душевной болезни.

Второй раз призрак мамы появился прошлой осенью, накануне нашего отъезда отсюда, буквально за день. На сей раз мы повстречались у ее комнаты. Кажется, одета она была так же. Да, все три раза в одно и то же. Я попыталась заставить себя не бояться и понять, происходит это в моем воображении или на самом деле. Но страх оказался настолько силен, что я не могла ни двигаться, ни говорить. И опять призрак появился внезапно, ниоткуда и так же внезапно исчез. Потом в Петербурге зимой я долго колебалась, сказать папе или нет. И приняла решение, что, ежели привидение придет снова, я заставлю себя не трусить и вступить с ним в контакт.

– Это очень смелое решение, – задумчиво произнес Сердюков. – Такое и взрослому мужчине не под силу. Страх, да еще пред потусторонним миром, непобедим.

– Вы правы, непобедим. Особенно если не понимаешь, кого бояться, призрака, если он и вправду является тебе, или самого себя, своего сознания, порождающего призраков!

Вера некоторое время молчала. Ольга Николаевна смотрела на нее с нескрываемым ужасом. Сердюков не знал, что и думать. Однако барышня не потеряла присутствия духа и мыслит очень даже критически. Так что вряд ли это ее видения.

– В последний, третий раз она явилась вчера вечером. Это снова произошло около ее комнаты. Я оказалась там, потому как моя спальня рядом. Сидя у себя, я услышала какой-то шум. Я знала, что дом пуст, что здесь только я, отец и Ольга Николаевна. Давеча они опять выясняли отношения, я испугалась за папу, ведь он очень нездоров, и выскочила за дверь. Передо мной стоял призрак. Я оторопела от неожиданности, но, вспомнив свою клятву, двинулась к нему, хотя ноги меня не слушались и волосы встали дыбом.

«Мамочка! Это ты? Если это ты, скажи, чего ты хочешь, не пугай меня, не мучай!» – прохрипела я сдавленным голосом.

Она печально так на меня посмотрела и взмахнула рукой в сторону комнаты отца.

«Папа? Ты хочешь что-то сказать мне о нем?»

Я хотела подойти, но призрак заколыхался, поплыл в глубь коридора и исчез опять совершенно внезапно, словно растаял. Теперь я понимаю, она хотела предупредить меня, но о чем? Как я могла предотвратить ужасную развязку? Я совершенно ослабла от пережитого ужаса и поплелась к себе. Рухнула на постель и впала в забытие. Не знаю, сколько все продолжалось по времени. Может, несколько мгновений, может, больше. Забытие мое было столь глубоким, что, когда Ольга Николаевна стала барабанить в дверь, я не сразу услышала стук. А когда открыла, на меня обрушилась ужасная новость о смерти отца. Тогда я и поняла, что мама хотела ее предотвратить, но я не догадалась, глупая, я не должна была уходить к себе, надобно было пойти к нему, ведь именно туда она показывала рукой!

Вера натянула на себя плед и снова горько заплакала. Ольга Николаевна выслушала рассказ падчерицы в совершеннейшем оцепенении. Сердюков вежливо подождал, пока потоки слез иссякнут, и, стараясь быть как можно более деликатным, спросил:

– Я понимаю, вы были очень испуганы и взволнованы, но, быть может, вы заметили что-нибудь, какую-нибудь деталь. Кроме вас, там никого не было?

– Никого, – всхлипнула Вера.

– А на лестнице, что ведет на первый этаж и упирается как раз в другой конец коридора? Ведь расстояние очень невелико.

– Да нет же, говорю вам, не было никого!

– Не было или вы не видели?

Вера удивленно замолкла.

– Конечно, на лестнице мог кто-нибудь стоять, я могла его и не заметить. Это и был убийца?

– Я пока не могу дать вам ответ на ваш вопрос. Вера Вениаминовна, вы очень помогли следствию. Я благодарен за вашу откровенность, прошу простить меня за то, что я снова заставил вас пережить весь этот кошмар. А сейчас позвольте откланяться, вам надо хорошенько отдохнуть.

С этими словами полицейский поднялся и направился к выходу. Извекова поспешила за ним.

– Что вы думаете об этой истории, Ольга Николаевна? Судя по всему, для вас это тоже новость?

– Я даже не знаю, что вам сказать, – в растерянности произнесла вдова, – вряд ли она выдумала все это, хотя... Кто знает...

– Я не склонен считать рассказ вашей падчерицы выдумкой, потому что призрак видела не только она. А тот факт, что два разных, заметьте, очень разных человека видели одно и то же, совпадающее в деталях, говорит о том, что это не выдумки и не галлюцинации.

– Но кто же еще видел призрак? – почти шепотом произнесла вдова и боязливо оглянулась вокруг.

– Дворник, дворник вчера видел призрак хозяйки, и, собственно, именно от него я первый раз и узнал о нем.

– Дворник... – удивленно протянула Извекова. – Как все странно! Ну, я, пожалуй, пойду прилягу. А то от этих кошмаров у меня разыгралась мигрень.

Она потерла ладонью лоб и медленно пошла к себе. Сердюков проводил ее задумчивым взглядом.

Ольга вошла в комнату и остановилась. У нее не было сил идти дальше. После смерти мужа она пыталась держать себя в руках, выглядеть достойно, прежде всего в своих собственных глазах. Но нелепые рассказы Веры о призраке Горской ее подкосили. Неужели девочка серьезно больна? Чувствительная душа угнетена и не вынесла ноши внезапного горя. А дворник? Конечно, пьянице может привидеться невеста что! Но почему это в точности совпадало с видениями Веры? Значит, оно и впрямь было, это привидение?

Как такое может быть в двадцатом-то веке? И если покойная являлась, то что она хотела? По готическим романам Ольга Николаевна знала, что привидения – это души, которые не могут обрести покоя. Что беспокоит незабвенную красавицу Горскую? Странно, что она не являлась супругу, который женился второй раз, едва дождавшись окончания траура. Почему не приходила к Ольге, занявшей ее место в земной жизни?

Извекова задумалась, пытаясь представить себе то, что якобы видела ее падчерица. Удивительно, но память тотчас же услужливо нарисовала яркий портрет усопшей. Шуршащее темное зеленое платье, плотно облегающее стройную фигуру, черные волосы, собранные в высокую прическу, яркие карие глаза и полные чувственные губы. Сладкий аромат духов...

...Оля даже слегка отшатнулась. Горская смотрела на нее умоляющим взглядом.

– Оленька, милая моя, ради бога, не думайте, что в моем предложении есть нечто для вас оскорбительное. Моя просьба – это просьба друга! Что же делать, если мисс Томпсон так некстати захворала!

– Помилуйте, Тамара Георгиевна! Что может быть оскорбительного в вашей просьбе поглядеть за детьми! Я с удовольствием побуду с ними, тем более что теперь мы дружны! – пробормотала Оля, не уверенная, что отец одобрит ее поступок.

– Ах, но мне так неловко, так неловко! – продолжала стенать Горская. – Представьте, мой режиссер неожиданно предложил мне роль! Я уже не рассчитывала, то есть я, конечно же, ждала ее... – Тамара Георгиевна запнулась.

Рассказывать девочке о том, что в последнее время она живет в страхе грядущего забвения? Что театр давно обходится без прежней примадонны, ее уже почти никуда не приглашают? Режиссерам и антрепренерам она была интересна юной и полной жизненных сил. А когда отвратительные болезни терзают твою плоть и заживо съедают красоту, это быстро становится заметно и на сцене, и на большом экране кино, и никакие ухищрения гримера не помогут! Да еще куча детей, которых некуда девать и приходится тащить с собой то на гастроли, то на съемки, вызывая раздражение всей труппы. Пока она была звездой первой величины, их еще терпели, а вот когда под тобой начинает раскачиваться невидимый трон и на горизонте маячат следующие поколения богинь, тут уже приходится принаравливаться к обстоятельствам. А они, эти обстоятельства, таковы. Надобно за двое суток прочитать сценарий. Господи, какая пошлость, какая убогость! Но что поделаешь! Иного нет! И прежние были ужасны. Но она своей игрой и женственностью превращала эти ремесленнические поделки в подлинные шедевры! График съемок очень жесткий. Месяц летом. И никаких детей, только работа! Никаких капризов, особых условий и прочего, что раньше даже и не обсуждалось! Все это означает только одно: если она опять не согласится, а такое несколько раз случалось, вместо нее возьмут другую красотку, помоложе и побойчее. Может, она не будет так хороша и талантлива, но ведь и сама Горская уже не та! На Вениамина нечего рассчитывать. Он не выйдет из своего кабинета, даже если будет землетрясение. А гувернантка, как назло, слегла, и, видать, надолго. Ответ надо дать немедленно, временного человека для присмотра за детьми скоро не

найдешь. Они, конечно, уже не очень малы, в школу ходят, но такие сорванцы и непоседы, что за ними постоянно нужен глаз да глаз. Вот и пришла в голову дикая мысль броситься в ноги Мироновым. Доктор, правда, может обидеться за дочь: мол, она вам не прислуга. Поэтому Тамара Георгиевна хотела снова извиниться и просить, но Оля ее перебила:

– Тамара Георгиевна, я полагаю, что для вас это предложение чрезвычайно важно. Вы дорожите им, я вас понимаю. Не надо мне ничего объяснять, я рада помочь, я рада, что вы считаете меня своим другом! – пылко произнесла Оля.

– Спасибо, милая! – Горская порывисто обняла девушку.

Оля покраснела от удовольствия и неловкости одновременно. Она видела, что Тамара Георгиевна пребывает не в лучшей своей форме, это даже не надобно было объяснять. И так видно. Фильмов с ее участием становилось все меньше и меньше. Она все чаще оставалась дома, мучимая болезнью и семейными хлопотами. Ни то, ни другое не прибавляло ей красоты и здоровья. Предложение новых съемок оказалось единственным за последние месяцы, и Горская ухватилась за этот шанс.

Доктор Миронов не выразил особой радости от известия, что его дочь будет временно замещать заболевшую гувернантку известного семейства. Помощь, конечно, дело гуманное. Но Николая Алексеевича пугало, что Оля отнеслась к своей новой роли с восторгом и излишним энтузиазмом.

– Кажется, ты ни о чем и ни о ком другом, кроме как об этом семействе, и думать не можешь! Даже твоя собственная жизнь, собственная личность интересуют тебя меньше, чем жизнь этих людей! – пробурчал он недовольно, засовывая руки в карманы домашнего халата.

– Да, папочка, да! – Оля в возбуждении кружила вокруг отца. – Как было бы здорово, если б...

– Если бы ты могла жить в их семье? – саркастически подхватил Миронов. – На положении гувернантки, горничной, или, быть может, фантазия тебе рисует роль второй жены Извекова? Так ведь он, милая моя, не мусульманин! Ты совсем помешалась и на нем, и на ней!

Но Оля, счастливая от предвкушения грядущей близости к кумирам, не обиделась на злые слова отца.

– Полно, папочка! Ты говоришь вздор специально, чтобы позлить меня, чтобы я расстроилась и отказалась. А я не откажусь, потому что не вижу в этом для себя большой беды! Разве что твоему любимцу Трофимову и вовсе никакого внимания от меня не достанется!

– То-то и оно! Ты уже взрослая, а мыслишь как дитя малое, живешь фантазиями. Спустишься на землю и оглянешься вокруг! И не придумывай себе ничего эдакого, так и до греха недалеко! – Миронов строго воззрился на дочь.

Как он был прав в своих опасениях!

Глава 9

Роль гувернантки оказалась довольно трудной. Милые шаловливые мальчики быстро перестали быть милыми, оставаясь шаловливыми, непослушными, неуправляемыми, шумными. Правда, Оля получила в лице Веры преданного друга и помощника. Девочка старалась умерять свои капризы, чтобы не усложнять жизнь обожаемой Оленьке. Мисс Томпсон слабым голосом из своей спальни давала барышне Мироновой ценные советы по обузданию детей. Но все это не пугало и не огорчало девушку. Она не сердилась и не раздражалась. Пыталась сохранить дружелюбие и веселость. К концу первого дня ее пребывания в доме выяснилось, что Извеков находится в квартире. Оля опешила, когда пробежавшая мимо горничная торопливо бросила на ходу, что барин поднялись и требуют к себе. Поднялись? Но ведь уже вечер!

Через некоторое время Вениамин Александрович вышел из своих покоев, одетый в щегольской домашний костюм. Оле его лицо показалось слегка одутловатым.

– Ах, вот кто тут командует сегодня! – Он широко улыбнулся и, похоже, даже не удивился. – То-то я слышу с утра шум и гам! У вас другой метод воспитания, чем у мисс Томпсон.

В это время мальчики бросились к отцу и повисли на нем, как две мартышки.

– Сорванцы! Подите, подите от меня! Я же вам не дерево! Да и вы уже не столь маленькие и легонькие, как раньше! – И дети с радостным шумом отбежали прочь.

Следующей была Вера. Она прижалась к отцу, и он нежно погладил ее по голове. Девочка даже прикрыла глаза от удовольствия. Оля, глядя на эту картину, испытывала двойственное чувство. Ей нравилось откровенное проявление чувств. Но в доме Мироновых это было не принято. Хотя Оля ни секунды не сомневалась в том, что ее собственный отец любит ее не меньше, чем Извеков своих чад.

– Ольга Николаевна! Как приятно снова лицезреть вас в нашем жилище! – торжественно провозгласил хозяин дома. – Надеюсь, наши дети не очень утомили вас?

– Нет, о, нет! – торопливо ответила Оля. – Они... они шалят в меру, – она запнулась.

Вениамин Александрович засмеялся.

– Не пытайтесь изобразить моих детей лучше, чем они есть! Уж я-то их знаю! Мы с Тamarочкой у вас в долгу! Чего изволите за свои труды? Желаете ли, прекрасная синьорита, чтобы я отобразил ваш нежнейший образ в одном из своих будущих произведений?

Оля совсем смешалась, покраснела и потупилась. Румянец, загоревшийся на ее щеках, придал ей еще больше трогательной прелести. Вениамин Александрович окинул девушку опытным взором знатока. Она почувствовала этот оценивающий взгляд взрослого мужчины всем телом и сжалась еще сильнее. Извеков протянул руку и чуть дотронулся до ее щеки. Оля замерла, но продолжения не последовало. Хотя ей почему-то почудилось, что он хочет ее поцеловать. Папенька и впрямь был прав, у нее фантазии!

Извеков вздохнул и отошел прочь. Вера неподвижно наблюдала за этой сценой, а потом бесшумно исчезла.

Какое-то время они оставались в гостиной вдвоем. Оля так растерялась, что потом даже не могла припомнить, о чем шел разговор, да и был ли он вообще? Да нет, вероятно, был, только она не осмелилась и слова вымолвить. Дома девушка долго не могла заснуть. Все перебирала в мыслях новые впечатления. В голове была невообразимая каша. Вениамин Александрович теперь сочетал в себе прежний образ, почерпнутый из портретов и романтических мечтаний, разнообразные черты благородных и пылких героев его собственных книг, а также свою живую, подлинную сущность, явившуюся неискушенной барышне во всей красе. Плавные мягкие движения, легкое подрагивание тонких пальцев, держащих гениальное перо. Завораживающий голос, проникающий в самые глубины души. Глаза, боже, какие глаза! Они и ласкают, и насмеваются, и зовут, и манят, и дразнят! Его взор обволакивал. Она утопала в волшебстве его

глаз, и выплывать совсем не хотелось. Да, теперь до спасительного берега разумного поведения совсем далеко! Папа, как всегда, оказался прав. Как было бы замечательно, если б она могла стать частью их семьи! Конечно, это абсурд, нелепость. Но помечтать так приятно. Она не претендует ни на что. Она просто хочет любоваться, упиваться ими обоими. Все время находится рядом. Угождать им, даже прислуживать. Ничто не может унижить ее, ничто не умалит ее любовь и преклонение перед божествами.

Прошло два дня, и в воспитательный процесс пришлось вносить стремительные изменения. Режиссер Огарков, да, да, тот самый, талантливый, гениальный, великий и прочее, прочее, смилостивился над Горской. Ей были позволены все прежние вольности, подобающие великой актрисе. Тем более что часть съемок, как выяснилось, решено было провести под Петербургом, совсем недалеко от дачи Извекова и Горской. Поэтому шумное семейство снялось с места и отправилось в свои загородные владения вместе с Ольгой. Николай Алексеевич явно не одобрял продолжения ее затеи, но делать было нечего.

– Что ж, – буркнул он напоследок, – буду с утроенным усердием лечить мисс Томпсон!

Ольга трепетала от предвкушения встречи с таинственным миром кино. Но поначалу пришлось пережить долгий переезд на поезде, суматоху сборов, бесконечное баловство мальчиков в пути, духоту вагона. Нет, мисс Томпсон героическая женщина, и как это она слегла только сейчас?

Тамара Георгиевна встретила детей и Олю радостными вскриками и новым потоком извинений. За хлопоты девушке была обещана полная картина съемок фильма. Однако радость ожидания была омрачена появлением крайне неприятной особы. Ею оказалась матушка госпожи Горской. Высокая плотная старуха с крючковатым носом, пучком седых волос, в которых отдаленно угадывалась некогда богатая шевелюра, и голосом кавалерийского полковника – такой оказалась Агриппина Марковна. Глядя на нее, невозможно было представить себе даже отдаленного родства с божественно прекрасной и нежной Тамарой Горской. Дама шумно отдувалась от пыли дороги, погоняя прислугу, таскавшую вещи из тарантаса.

– Приехала помочь тебе, моя дорогая! Кто же, кроме матери, бросит все и помчится на подмогу! Вот ведь опять твоё ненаглядное сокровище Вениамин кинул тебя в одиночестве и остался в городе! И черт знает, что он там делает, один, без должного догляду! Кобелина!

– Маман, прошу вас! – Тамару Георгиевну покорило от ее грубости, которая, впрочем, была привычным делом. – В доме посторонний человек!

– Это еще кто? – Старуха сердито оглянулась на оторопевшую Ольгу.

– Позвольте представить вам барышню Миронову Ольгу Николаевну.

Но Тамара Георгиевна не успела закончить фразы, как Агриппина Марковна перебила ее:

– Так что же у этой барышни Мионовой дети носят как очумелые и чумазые, подобно простолюдинам?!

– Мама! – покраснела от смущения Горская. – Ольга Николаевна не гувернантка! Она моя гостья, дочь доктора Миронова! Она была очень любезна и согласилась присмотреть за детьми во время съемок.

– Так, стало быть, вы не новая гувернантка? – удивилась старуха. – А я-то решила, что моя дочь наконец выставила вон самодовольное английское чучело!

Оля почувствовала, как стали предательски подергиваться губы. Ну нет! Не плакать! Хотя очень обидно!

Девушка, вечером оставшись одна, долго смотрела на себя в зеркало. Неужели она имеет такой же бесцветный и засушенный лик, как бедная мисс Томпсон? Хотя за англичанку ей тоже стало досадно, в целом она Оле была даже симпатична.

Как девушка поняла из разговоров, отдельных брошенных реплик, взглядов, жестов и вздохов, Агриппина Марковна слыла грозой семьи. Дети ее боялись, особенно мальчишки. С ними она была строга и непреклонна. На другой же день оба получили и порцию подзатыль-

ников и нравоучений, и множество нелюбезных определений. Так же сурова старая женщина была по отношению к своему знаменитому зятю. Слыша, как она в другом конце дома его поносит и корит за глаза, можно было подумать, что речь идет об убогом ничтожестве, пьянице и бабнике. Оля не верила своим ушам. Она была бы и рада не слышать злобной напраслины, но громогласные рассуждения старшей Горской достигали ее слуха повсюду. Правда, к Вере она относилась со странным терпением, хотя девочка боялась капризничать в ее присутствии.

Но особенно поражала Миронову Тамара Георгиевна. В ответ на обидные или злобные замечания она или махнет легонько рукой, мол, пустое говорите, мамаша, или головой покачает, улыбнется мягкой светлой улыбкой. И ничего более! Оля уже кипит про себя, так ей обидно за детей или Извекова, а Горская словно слушает и не слышит. Плохое и неприятное пролетает мимо, не касаясь ее души. Старая, сердитая на весь мир мать и ее гениальная, добрейшая, прекраснейшая дочь. Как это странно!

– Стало быть, вы дочка Николая Алексеевича? – вновь спросила Агриппина Марковна за вечерним чаем, вонзив в девушку острый взор.

Оля поежилась. Так, наверное, рассматривают какое-нибудь насекомое. Внимательно, настороженно, враждебно. Чего спрашивать снова, разве за день у нее мог образоваться другой родитель?

– Да, мой отец – доктор Миронов. Очень известный в Петербурге врач, – набравшись смелости, почти с вызовом произнесла девушка.

Тамара Георгиевна ободряюще улыбнулась ей со своего места за самоваром.

– Да, да, знаем, знаем, Тамарочка говорила мне, – старуха отхлебнула чаю. – Уф, горячий! – И стала обмахивать себя батистовым платком.

– А что, и вы, верно, за врача замуж пойдете?

– Не знаю, не думала об этом, – смутилась Оля.

– Напрасно не думали! – наставительно произнесла Агриппина Марковна. – В жизни женщины все зависит от того, как она замуж выйдет. Выйдет за дурака, пьяницу, фитюльку никудышную – и все, пропала моя душечка! Будь ты хоть трижды красавица, умница-разумница, талант. Все насмарку! – Она выразительно поглядела на дочь.

Горская, не поднимая головы, раскладывала по блюдецкам вишневое варенье для детей. Оля же, понимая, что сказанное предназначено вовсе не для нее, покраснела.

– Выйти за доктора очень хорошо! – продолжала свои разглагольствования старуха. – Чуть какая болезнь – спасение при тебе. Опять же, жалеет жену, понимает... Нет, за доктором лучше, чем за писателем!

Вот оно куда клонилось-то! Оле стало так неловко, что она готова была бежать из-за стола. Девушка даже боялась посмотреть в сторону Тамары Георгиевны. Но, судя по тому, что сии неприятные сентенции остались без должного ответа, можно было предположить, что подобное происходило часто, и к этому в семье привыкли. Однако Оля не могла примириться с услышанным.

– Вениамин Александрович чудесный писатель! – робко вступилась за кумира Миронова.

– Вздор! – фыркнула Агриппина Марковна.

– Но, бабушка! – встряла в беседу Вера. – Я же приносила вам последний папин роман, вам понравилось, вы сами говорили, что даже плакали в конце.

– Чудесный писатель вовсе не означает чудесный муж или отец! – резко изрекла Агриппина Марковна.

Повисла неприятная тишина. Тамара Георгиевна уже без улыбки смотрела на мать.

– Талант имеет право на снисходительное отношение со стороны тех, кто его любит, – тихо произнесла она мелодичным голосом.

Оля чуть не бросилась к ней на шею от восторженных чувств, которые вспыхнули в душе от ее слов.

– Слишком много снисходительности, слишком много! – еще бубнила старая ведьма, но ее злобное бормотание уже не пугало девушку. Она увидела воочию, как велика сила подлинной любви!

А на следующий день перед Олей открылся великий и таинственный мир синематографа.

Глава 10

Покуда тряслись в коляске по ухабистой дороге к месту съемок, Оля, по своему обыкновению, уже нарисовала мысленно чудесную картину. И, как уже случалось с ней не раз, действительность оказалась совершенной иной. Во-первых, что поразило ее с первого взгляда – это множество крикливых, мельтешащих людей. Кто-то куда-то бежал, что-то жужжало, что-то перетаскивали. Словом, никакой романтики, таинственности и поэзии.

– А, Горская, слава тебе, господи! Я уж думал посылать за вами! Опять припозднились, голубушка! – сердито вскричал всклокоченный мужчина непонятного возраста и звания.

– Отчего же поздно? Леонтий Михайлович, вы ко мне несправедливы, еще и полудня нет! – пропела Тамара Георгиевна, плавно спускаясь с подножки коляски и опираясь на услужливо подставленную руку одного из ассистентов.

– Полудня нет, а спешка уже есть! – продолжал кипеть режиссер. – А это кто еще с вами? Я же просил, минимум посторонних людей на площадке, минимум! А то скоро сюда за вами весь Петербург приедет.

– Ольга Николаевна Миронова, мой друг и помощница, – последовал краткий ответ.

Огарков что-то хотел возражать, но Тамара Георгиевна, махнув в его сторону царственной ручкой, уже двинулась гримироваться. Дети, к удивлению Мироновой, попритихли. Видно было, что многие их тут знают и относятся к ним вполне дружелюбно. Оля принялась осматриваться вокруг и с удивлением поняла, что нагромождение невзрачных пыльных предметов, разбросанных тут и там, – это декорации. Потом в течение дня на ее глазах они превращались то в роскошные апартаменты героя-любовника, то в заброшенный замок, то в лесную избушку. Оля только диву давалась, вспоминая, как все выглядит на экране. Наконец появилась Тамара Георгиевна. Она была укутана в темный плащ с капюшоном, из-под которого выбивались спутанные волосы. Бледное лицо с лихорадочным румянцем неприятно поразило Олю. Но Горская уже не видела никого, она была в роли, в своих переживаниях. По сценарию ее героиня бежит, спасается от погони одна, через множество препон, навстречу неизбежной гибели. Оля накануне поздно вечером украдкой заглянула в сценарий, который Горская со вздохами читала весь день, украшая поля многочисленными пометками к улучшению. По-видимому, в гримерной она уже высказала свои суждения, потому как следом шел сценарист в безукоризненном чесучовом костюме, соломенной шляпе и с неприязненным выражением лица.

– Помилуйте, Тамара Георгиевна! Вы всегда чем-нибудь да недовольны! Не буду я в сотый раз переписывать в угоду вам! – бубнил он, но не очень уверенно.

– Переписывать не придется, не надо! Я сама все переменю, прямо сейчас, перед камерой. И вы увидите, как все хорошо получится, естественно, без ложного сентиментализма, – спокойно произнесла Горская, направляясь в сторону декораций, изображавших лесное убежище беглянки.

Сценарист тяжело вздохнул и покорился. Весь его угрюмый вид говорил о том, что он наступил на горло своей музе в угоду капризной примадонне. Потом долго и утомительно репетировали, ссорились, опять репетировали. Сняли несколько дублей, да, кажется, неудачных. Миронова устала и разочарованно отошла в сторону. Рутинная синемаатографа, его изнанка повергли ее в уныние. И как это на экране все получается таким захватывающим и интересным?

Оля нашла детей, принесла корзину с едой, расстелила небольшую скатерть и усадила их на траве неподалеку от места съемок. Когда пикник на природе подходил к концу, из кустов вынырнул уже виденный ею ассистент режиссера и, задыхаясь, произнес:

– Вот вы где!

– А в чем дело? – удивилась Оля.

– Господин Огарков, наш режиссер, срочно вас, барышня, требуют!

– Да что такое-то?

– Пойдемте, пойдемте, тут мадемуазель Вера за братьями присмотрит, – и он почти силой потащил Олю за собой.

– Куда вы подевались? – сердито прокричал режиссер. – Мне нужна одна девица, вот там, на заднем плане, ваша физиономия вполне подойдет. Ступайте, пусть вам переменят прическу!

Оля остолбенела. Она тоже будет сниматься в кино, ее лицо появится на экране, да еще рядом с самой Горской! О таком счастье она и мечтать не могла! Девушка решила не обращать внимания на бесцеремонность Огаркова. Быть может, у них тут так принято? В наскоро сколоченной дощатой гримерной ей быстро сделали какую-то невообразимую прическу, прилепили маленькую нелепую шляпку. Затем измазали лицо противным жирным гримом, отчего оно стало смуглым и блестящим. Оля с ужасом глядела на себя и не узнавала своего отражения. Когда она появилась на съемочной площадке, Горская, которая сидела на раскладном стуле и устало обмахивалась веером, увидев Миронову, расхохоталась.

– Что мне теперь делать? – робко спросила юная артистка.

– Вам ничего особенного делать не надо, – сказал Огарков. – Стойте вон там, а когда Тамара Георгиевна пройдет мимо, улыбнитесь, поклонитесь слегка и смотрите ей вслед. Все ли понятно?

Чего уж тут не понять? Оля старательно улыбалась Горской раз пять или шесть, сколько сделали дублей, она не поняла. Сама себе девушка показалась просто неотразимой в первой и последней роли. Потом, уже сидя в зале синематографа на Невском проспекте, она с нетерпением ждала этих кадров. И когда она наконец узрела себя, то в первый миг даже не узнала. Что это за чумазая девица с глупой улыбкой? Какой нелепый вид, какой бессмысленный взор! И всего несколько секунд, а снимали чуть ли не полдня! Нет, Горская великая актриса! Как сложно оставаться привлекательной на экране!

На другой день предстояла съемка самого ответственного момента фильма, самой драматичной сцены – трагической смерти героини. Оля обратила внимания, что Тамара Георгиевна с утра углублена в себя, грустна. Должно быть, входит в образ. Нешуточное дело, сколько дублей умирать-то придется!

На сей раз гример постарался на славу. Актриса была так бледна, с такими ужасными кругами под глазами, что, как говорится, краше в гроб кладут. Собственно, для этого и старались. Действие разворачивалось в декорациях, изображавших спальню героев. Коварный изменщик предал героиню и бросил ее на произвол судьбы. Несчастная страдает и принимает яд. Умирает в страшных мучениях и является любовнику в виде призрака. Сей призрак возникает на пустынной дороге, прямо под копытами лошади. Герой падает и разбивается насмерть. Порок наказан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.